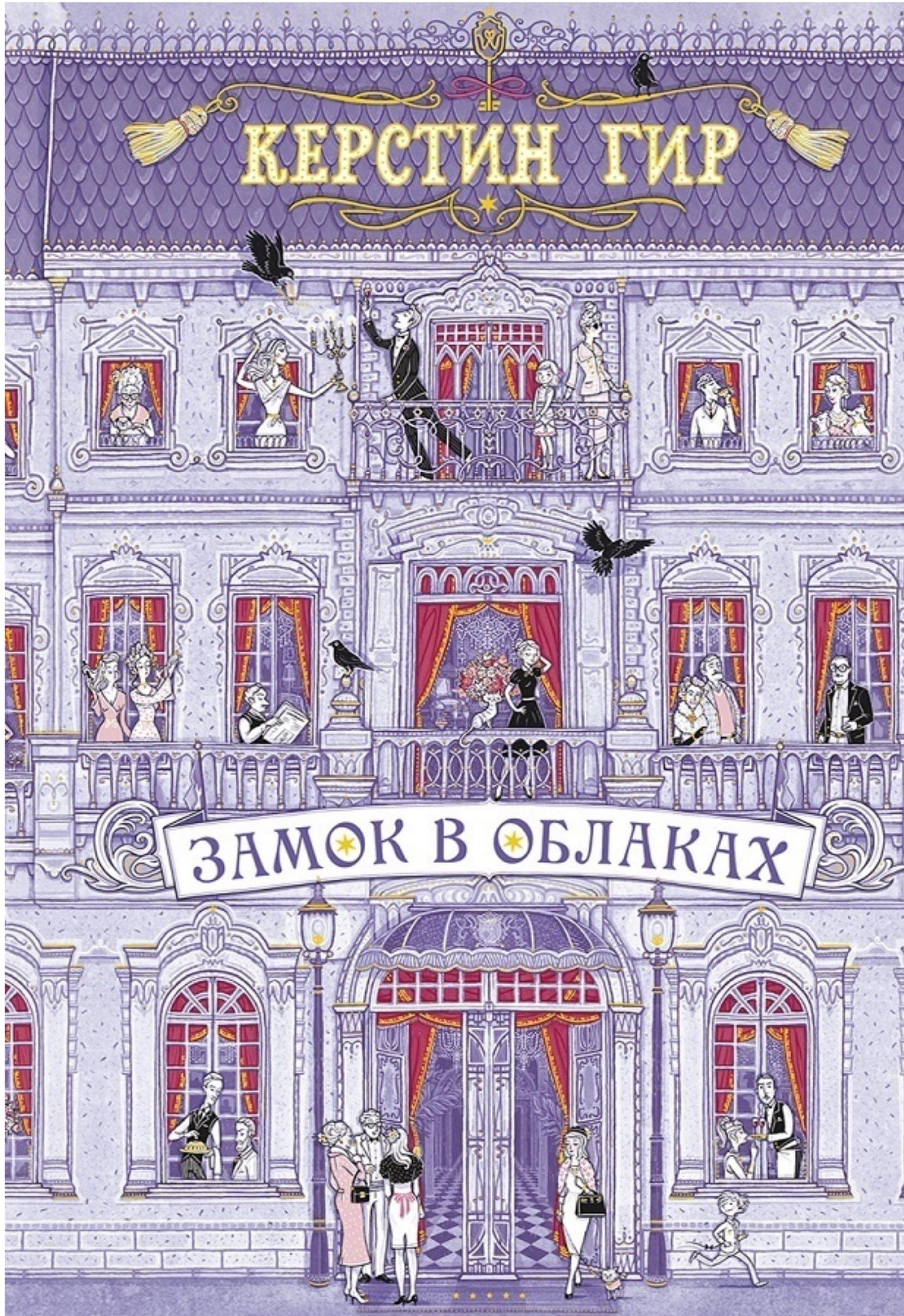

КЕРСТИН ГИР

ЗАМОК В ОБЛАКАХ

Керстин Гир
Замок в облаках

«Робинс»

2017

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)

Гир К.

Замок в облаках / К. Гир — «Робинс», 2017

ISBN 978-5-4366-0529-6

Фанни Функе считает себя неудачницей: школу не окончила, с родителями поссорилась и фактически сбежала из дома, поступив на годовую практику в старинный швейцарский отель «Шато Жанвье», который все называют Замок в облаках. Под Новый год в отеле яблоку негде упасть: сюда съехались сливки общества, в том числе семья загадочного русского олигарха, американский денежный мешок с многочисленными родственниками и специалист по драгоценным камням из Лондона, которого сопровождает обаятельный внук с замашками грабителя. Что привело их сюда? Действительно ли они те, за кого себя выдают? И главное – кому из них можно доверять? Пытаясь выяснить это, Фанни оказывается в эпицентре невероятных событий... Детектив накладывается в книге на историю о Золушке в современных реалиях, а главная героиня смотрит на происходящее с присущим ей чувством юмора и здравым смыслом.

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)

ISBN 978-5-4366-0529-6

© Гир К., 2017

© Робинс, 2017

Содержание

Лукаво улыбаясь,	6
1	8
2	14
3	20
4	28
5	35
6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Керстин Гир

Замок в облаках

Все права защищены. Любое копирование разрешено только с письменного согласия правообладателей

Перевод с немецкого Татьяны Лавровой

Original published as: Kerstin Gier «Wolkenschloss»

© 2017 S. Fischer Verlag GmbH, Hedderichstr. 114, D-60596 Frankfurt am Main

© ООО «Издательство Робинс», перевод, издание на русском языке, 2018

* * *

Лукаво улыбаясь, или От переводчика

Дорогие друзья!

Перед вами книга, которая прекрасно подойдёт для чтения на каникулах, книга не слишком серьёзная, лёгкая, хрустящая и сладкая, как безе.

Но не в этом её соль, простите за невольный каламбур. Не в этом её обаяние.

Главная героиня книги Фанни Функе смотрит на окружающий её мир и, прежде всего, на себя с известной долей иронии. Что в общем не просто, если тебе семнадцать лет, если ты впервые уехала из родительского дома (и не без веской причины), если ты можешь рассчитывать только на себя и тем более если у тебя такой характер, что с тобой регулярно что-нибудь случается. То колготки сползают, то сбегают дети гостиничных постояльцев, порученные твоим заботам, то у милой пожилой дамы пропадает кольцо в твоё дежурство, то молодой человек, который тебе ужасно нравится, ведёт себя совершенно невразумительно.

У Фанни есть одна счастливая черта: она не принимает слишком уж всерьёз ни все эти ежедневные маленькие катастрофы (и большие, настоящие катастрофы – тоже, заметим в скобках), ни себя саму. Именно поэтому она в состоянии справиться с любыми проблемами, каковы бы они ни были. Её чувство юмора и стоящий за ним здравый смысл – её точка опоры и спасательный круг.

«Замок в облаках» – это история о Золушке, перенесённая в наши дни. Но, на мой взгляд, главное в ней не то, что скромная и трудолюбивая героиня в очередной раз получает по заслугам, а её лёгкое отношение к жизни и эта лукавая улыбка героини: не следует принимать свои горести всерьёз – и всё в конечном итоге сложится как надо. Вспомним Мюнхгаузена из замечательного фильма Марка Захарова: «Умное лицо – это ещё не признак ума, господа. Все глупости на земле делаются именно с этим выражением лица. Улыбайтесь, господа. Улыбайтесь!»

Приятного вам чтения!

*Татьяна Лаврова,
переводчик этой книги*

Посвящается Соне

Совершенно обессиленная, я снова стояла по колено в снегу. Из бального зала доносились чудесные звуки скрипок. На шее висел чужой бриллиант весом в тридцать пять карат, а на руках лежал ребёнок без чувств. Тоже чужой.

К тому же в суматохе, как Золушка, я потеряла туфельку.

Говорят, что в чрезвычайных ситуациях в организме вырабатывается столько адреналина, что не чувствуешь ни холода, ни боли, но на самом деле это не так. Боль от раны в плече пульсировала, словно живое существо. Кровь, капавшая из пулевого отверстия, стекала по руке, окрашивая снег алым, а голая нога стыла на морозе. От напряжения – ребёнок был тяжёлый – мои руки и плечи болели, но я не осмеливалась перехватить девочку поудобнее, чтобы она не проснулась: её плач выдал бы наше местонахождение преследователям.

Говорят также, что в минуты опасности голова начинает мыслить с необычайной ясностью. Про себя я так не могла сказать: я уже совершенно перестала понимать, кому можно доверять, а кто желает мне зла. Единственная ясная мысль, мелькавшая в моей пустой башке,

заклучалась в том, что если к пистолету присобачить глушитель, выстрела, оказывается, действительно не слышно.

А ещё – что на свете явно существуют более подходящие моменты для поцелуев.

Я понятия не имела, был ли юноша, поцеловавший меня, моим другом или врагом. Тем не менее его поцелуй прибавил мне сил.

– Я мечтал об этом с тех пор, как впервые увидел тебя... – прошептал он.

1

Мой первый рабочий день в качестве няни грозил обернуться катастрофой.

– Несомненно, ты самая плохая няня на свете, Фанни Функе, – заявил Дон, когда я проснулась мимо него, голоса: – Мальчики! Это уже не смешно! Пожалуйста, вернитесь!

– *«Пожалуйста, вернитесь! Иначе меня с треском уволят!»* – передразнил меня Дон.

Скорее всего, всё к тому и шло. А ведь я отвлеклась всего на минутку! В своё оправдание я могла сказать лишь одно: потерять из виду детей, одетых в белые куртки, белые лыжные штаны и белые шапки, гораздо проще, чем кажется. И вообще, следовало бы принять закон, запрещающий одевать детей таким образом. Я понимала, что далеко они уйти не могли: сверкающая снежная пелена вверх по склону оставалась нетронутой. Однако здесь, с западной стороны отеля, укромных мест, где могли спрятаться маленькие хитрюги, к сожалению, хватало. Сугробы причудливой формы, отдельно растущие деревья, поленницы дров и выступы стропильный представлялись идеальными укрытиями.

Солнце слепило глаза, и я сощурилась. К вечеру и на рождественские праздники синоптики обещали снегопад, но сейчас небо всё ещё было ярко-голубым, а снег сверкал ярче мансардных окошек и башенок, крытых медью. Внизу, в долине, со вчерашнего утра лежал густой туман. Именно из-за разницы высот и выгодного расположения над облаками отель и прозвали Замок в облаках.

– Какая тишина! Даже странно, правда? – Дон Буркхардт-младший не преминул напомнить мне, что сейчас не лучший момент любоваться альпийскими красотами. – Может быть, бедные малыши уже замёрзли...

Дон сидел на больших санях – на них ко входу в подвал доставляли дрова – болтал ногами и лизал мороженое в вафельном стаканчике, которое он, похоже, добыл на кухне. Дрова, лежавшие на санях, он, недолго думая, выкинул в снег прямо перед табличкой:

Добро пожаловать в «Шато Жанвье»!

Его мороженое навело меня на мысль.

– Ау, мальчики! Хотите вкусного мороженого? – позвала я.

Ничто не шелохнулось.

Довольный Дон захихикал:

– Не нужно было пренебрегать своими обязанностями и отвлекаться на того чеха-сезонника, Фанни Функе.

– Собери-ка лучше дрова, а то тебе попадёт, – ответила я.

Хотя для своих девяти лет Дон был маленьким и тщедушным, имел вздёрнутый носик и трогательные карие глаза и поэтому выглядел так, будто и мухи не обидит, втайне я побаивалась его. Из его уст вылетали исключительно взрослые сентенции. Усиливало этот эффект то, что изрекал он их звонким детским голоском с очаровательным швейцарским прононсом, к тому же слегка шепелявя. У него была странная привычка в разговоре называть людей исключительно по имени и фамилии. Иногда он добавлял место жительства, возраст и другие характеристики.

Это звучало примерно так: «Фанни Функе, семнадцати лет, из Ахима под Бременом, у тебя на колготках пошла стрелка».

В этом было нечто угрожающее, как в кино про мафию, когда кто-то шепнёт: «Мы знаем, где ты живёшь!», а потом подложит соответствующему персонажу отрубленную лошадиную голову. И это в лучшем случае.

Дон и его родители были завсегдатаями отеля, и Дон знал в нём каждый уголок. Целыми днями мальчик обычно шатался по отелю, подслушивая разговоры и устраивая окружающим пакости. При этом он вёл себя так, словно являлся единоличным владельцем отеля и всех,

кто в нём находился, будь то гости или сотрудники, и от этого становилось неуютно. Я не сомневалась, что он изучил личные дела персонала, тем не менее в том, что он запоминал решительно всё, поистине было что-то дьявольское. Дон предпочитал слоняться там, куда не допускали постояльцев, но из-за того, что он был таким маленьким и славным, ему редко за это попадало.

Тех, кого не очаровывала его мимимишная внешность, напоминавшая оленёнка Бэмби, Дон вводил в замешательство, обращаясь по имени и фамилии. При этом мимоходом упоминал имя своего отца, богача Дона Буркхардта-старшего, и то, что он водил дружбу с одним из братьев Монфор, которым, собственно, и принадлежал отель. Во всяком случае, со мной мальчик поступал именно так. И хотя я прилагала значительные усилия, эти мафиозные методы приносили свои плоды. Не далее как позавчера я застала Дона, когда он вытирал вымазанные в шоколаде пальцы о вышитые бархатные портьеры в маленьком вестибюле на третьем этаже.

Он делал это вдумчиво и тщательно. На мой негодующий вопль «оленёнок» улыбнулся с осознанием собственного превосходства.

– О, недоучка Фанни Функе из Ахима под Бременом, похоже, любит безвкусовые занавески!

Я возмутилась ещё больше: все портьеры и подушки на этаже были сшиты из замечательного тёмно-красного бархата, расшитого матово-золотыми птицами и цветочными гирляндами. Если осторожно погладить эту ткань кончиками пальцев, казалось, что портьера гладит тебя в ответ.

Даже неспециалисту было понятно, что они дорожные, пусть даже за давностью лет бархат слегка выцвел.

– И вообще, разве в твои обязанности не входит поддерживать чистоту и порядок в отеле, горничная-практикантка Фанни Функе с дурацкими веснушками? – спросил Дон. Дело в том, что позавчера меня ещё не определили в няни, тогда я находилась в ведении службы уборки номеров.

– Как ты думаешь, какую сумму мой отец потратит в отеле в этом году? И как ты полагаешь, кто скорее вылетит отсюда – ты или я? На твоём месте я бы порадовался, что портьеры испачканы шоколадом, а не чем-нибудь похуже, и постарался бы побыстрее отчистить пятна прежде, чем фрейлейн Мюллер снова соизволит устроить тебе нагоняй. (Откуда он только брал подобные выражения? Даже моя бабушка таких не употребляла!)

– На твоём месте я бы поскорее убралась отсюда, чтобы не получить метёлкой по попе! – запальчиво воскликнула я, а Дон с торжествующей ухмылкой неторопливо направился прочь. Гостиничной кастелянши фрейлейн Мюллер я боялась больше, чем его. И, оттирая щёткой шоколадное пятно с бархатной портьеры, я действительно ощущала в некотором роде благодарность за то, что отчищать пришлось шоколад, а не что-нибудь похуже.

– Кое-кому из нас сейчас точно влетит, – теперь заявил Дон, в очередной раз лизнув мороженое. – Ты флиртвала с Яромиром Новаком, тридцати восьми лет, с усами, вместо того чтобы смотреть за детьми. Я могу это засвидетельствовать.

– Ничего не флиртвала! – немедленно возразила я. – Я просто быстренько помогла Яромиру распутать ёлочную гирлянду. Это входит в круг моих обязанностей.

В конце концов, в этом отеле я была не только няней. В перечне обязанностей гостиничной практикантки, которые я выполняла, значилось выражение «девочка на побегушках» и «универсальная занятость».

Дон покачал головой:

– Ты улыбнулась, заправила за ухо прядь волос и откинула голову назад. Всё это жесты, призванные привлечь внимание противоположного пола в брачный период.

– Чушь какая! – гневно сказала я. – Яромир для меня слишком стар, а ещё у него в Чехии жена и дети, которых он очень любит. – Даже если бы он был на двадцать лет моложе и не

женат, я бы всё равно ни за что не стала с ним флиртовать. Я вообще никогда не флиртую. Меня бросало в дрожь от самого слова «флирт». Фу!.. – И вообще... – Я захлопнула рот.

Дон даже не пытался скрыть злорадство, пока я с возмущением оправдывалась. Это ясно доказывало, что я принимала его слова всерьёз. А ведь именно этого я ни в коем случае не хотела ему демонстрировать.

– Ну так что? Ты видел, куда побежали близнецы? – угрюмо спросила я.

Дон немедленно изменил тактику:

– Я даже знаю, где они спрятались. – Он одарил меня доверчивым взглядом, обаянию которого позавидовал бы диснеевский Бэмби. – Я открою тебе этот секрет, если ты попросишь как следует.

– Пожалуйста, – попросила я, понимая, что это ничего не даст.

– Скажи: «Пожалуйста, дорогой Дон», – потребовал мальчишка.

– Пожалуйста, дорогой Дон, – повторила я скрепя сердце.

Дон снова расхохотался:

– Я открою другой секрет – секрет, почему из тебя никогда не выйдет няня! У тебя просто недостаточно педагогического авторитета. Дети это чувствуют.

– А я открою тебе секрет, почему у тебя нет друзей. У тебя просто недостаточно умения вызывать симпатию! – Слова вырвались у меня прежде, чем я успела осознать, насколько жестокими они были.

Устыдившись, я прикусила губу. Наверное, из меня действительно никогда не выйдет няня. Помимо того, что я потеряла двоих шестилеток, выпустив их из виду всего на секунду, я ещё и унизила мальчика с глазами Бэмби. При этом место практикантки в отеле мне, вероятно, досталось потому, что я похвасталась своим умением обращаться с детьми. Немаловажную роль сыграло то, что у меня было два младших брата.

– Ой!

Дон подставил мне ногу, и я чуть не грохнулась в снег, но как-то удержалась на ногах и поспешила отойти от него. Тоже мне «милые малютки»! Нет уж, дети – это худшее из зол! Но ничего не поделаешь: двух таких милых малюток мне нужно было найти как можно скорее, а третьего я решила отныне просто игнорировать.

– Ма-альчики! Э-эй! – Я старалась, чтобы мой голос звучал весело и непринуждённо, как будто мы просто играем в прятки. Ни звука. А ведь до этого они тараторили без умолку и по-идиотски рифмовали всё подряд. Как их там звать-то? Ультрамодные имена в английском стиле, что-то вроде... – Джош, Эшли! Куда вы подевались? Вы не хотите доделать снеговика? Я принесла отличную морковку, чтобы сделать ему нос!

Дон снова ехидно захихикал:

– Ты даже не в состоянии запомнить, как их зовут, неудачница Фанни. Засунь себе свою морковку знаешь куда? Ничего у тебя не выйдет!

Я притворилась, что не слышу его. Сдаваться я не собиралась. За последние три месяца я и не с таким справлялась. В конце концов, всё было не так плохо, как казалось на первый взгляд. Мне поручили поиграть с близнецами Бауэр (как их там? Лэреми? Джейсон?) на свежем воздухе, чтобы их родители могли спокойно собрать вещи и расплатиться в отеле. Если вдуматься, именно этим я и занималась. А теперь эти проклятые дети, несомненно, развлекались на полную катушку, потому что им удалось сбежать и спрятаться. На свежем воздухе.

– Известно ли тебе, что такое нарушение обязанностей надзора за несовершеннолетними, будущая экс-практикантка Фанни Функе? – Дон в очередной раз лизнул мороженое. – Надеюсь, у тебя хорошая страховка? На твоём месте я бы молил Бога о том, чтобы близнецы не угодили в какую-нибудь расщелину в леднике. Если сейчас пойдёт снег и всё заметёт, поисковые собаки не смогут даже взять след.

Усилием воли я подавила в себе желание заткнуть уши пальцами. Этот ребёнок являлся не иначе как самим дьяволом. Насколько я знала, поблизости от отеля не было никаких расщелин. Тем не менее мой голос теперь прозвучал вымученно и пронзительно, так что это заметила даже я:

– Вы не хотите погладить на прощание белочку?

– Они на это не купятся. – Дон шелчком запулил стаканчик с недоеденным мороженым в снег. – Так уж и быть, я помогу тебе. Они побежали вон туда. – Он махнул рукой в сторону нового катка, который старик Штукки и Яромир недавно соорудили рядом со старинной каруселью. – Думаю, они спрятались в подвале, где стоят лыжи.

Вместо того чтобы отправиться туда, куда показывал Дон, я решительно зашагала в противоположном направлении. И – удача! Пройдя всего пару метров, я услышала сдавленное хихиканье и увидела, как закачалась ветка огромной Полумесячной ели, которую Яромир и старик Штукки, рискуя жизнью, в ноябре украсили ёлочными гирляндами. Рисковал жизнью, собственно, только Яромир, а Штукки держал лестницу. Полумесячной ель прозвали из-за того, что гирлянды на ней висели в форме полумесяца, причём только на ветках, обращённых к отелю. Я слышала, что эти гирлянды купили лет тридцать назад, но так как деревья имеют обыкновение расти (а ель за это время тоже изрядно увеличилась в размерах), то гирлянд теперь хватало лишь на половину ели. Поэтому по вечерам её половина сверкала и переливалась огнями, подмигивая окнам отеля. Ветви же, обращённые к долине, сливались с ночным небом: на них не было ни огонька. Полумесячная ель знаменовала собой границу между ухоженным ландшафтом вокруг отеля и дикой природой. Хотя сейчас разницы между тем и другим не было. Всё скрывало толстое снежное покрывало.

Под елью было очень удобно прятаться, если ты метр двадцать ростом. Её переплетённые ветви доставали до самой земли. Вероятно, под ними находилась мягкая и сухая подстилка из мха и еловых иголок, потому что туда не проникал снег. Чтобы не спугнуть детей, я направилась не прямо к ели, а решила пойти в обход.

– Хитрюги близнецы Бауэр – большие мастера прятаться, – сказала я, повысив голос. – Эх, как же жалко, что я не могу найти их и показать сюрприз, который я им приготовила! И этот сюрприз имеет отношение к белочкам... и ещё кое к чему...

Под ёлкой зашушукались. Я не смогла сдержать усмешку. Но радость моя длилась недолго.

– Не дайте себя провести, Джейден и Эш Бауэр из Лимбурга-на-Лане! – крикнул Дон прямо у меня за спиной. Он таки слез с насиженного места на санях и отправился портить мне жизнь дальше. – Нет у неё для вас никакого сюрприза. И белки тоже нет. Она просто хочет поймать вас, испортить вам всё удовольствие и сдать родителям, и вам придётся ехать домой! Бегите!

– У Джейдена и Эша хватит мозгов не обращать внимания на то, что там лопочет глупый Дон, – с надеждой возразила я.

Но дети уже вылезли из-под ёлки и с криками и смехом понеслись через парковку.

Дон одобрительно зааплодировал. Мне оставалось только броситься следом. К сожалению, мои подопечные со всех ног помчались прочь от отеля в сторону шоссе. Они перемахнули через кучу грязного снега и льда на краю парковки, пересекли подъездную дорожку и на другой её стороне снова перелезли через снежную стену.

– Стойте! Там очень опасно! – заорала я, карабкаясь за ними.

Там действительно было опасно. Хотя по шоссе ездили редко, – оно было проложено только до отеля, – чёрный асфальтовый серпантин петлял по горе, круто спускаясь в долину. Поросший же елями склон, по которому шоссе змеилось туда-сюда, был практически отвесным, и именно по нему безудержно хохотавшие дети и собрались спускаться. Словно обезьянки, они ловко хватались за нависавшие над их головами ветки, спускаясь всё ниже и ниже.

Ледяной наст на склоне, многократно подтаивавший и снова замерзавший, похоже, выдерживал близнецов, но не меня. При каждом шаге я с треском проваливалась по колено или глубже, как будто я пыталась пройти по запечённой карамельной корочке на огромной миске с крем-брюле.

– Стойте! – в ужасе закричала я. – Пожалуйста, стойте!

– Стойте, стойте, успокойтесь, руки мойте, ноги мойте! – весело загорланили в ответ близнецы.

Дон был прав: никакого авторитета у меня не было и в помине. Тем временем дети уже добрались до следующего витка шоссе и снова перелезли через его край, готовясь продолжить путь вниз по склону.

– Немедленно остановитесь! – Я торопливо вытащила ногу из особенно глубокой дыры в снегу и попыталась шагать шире. – Здесь водятся... медведи!

– Мишки – врушки и воришки, мишки – глупые трусишки... Ой!..

Один из близнецов не удержался на ногах и поскользнулся, съехал вниз и со всего маху врезался в ближайшее дерево, заливаясь при этом хохотом. Его братцу всё это так понравилось, что он сел на снег и последовал его примеру, заскользив вниз.

– Не делайте этого! – в ужасе закричала я, в красках представив себе, как дети, набирая скорость, летят вниз по склону, пока не сломают себе шеи, налетев на дерево, либо пока не попадут под машину в том месте, где шоссе становится более оживлённым.

Мне казалось, что я уже слышу рёв мотора, поэтому, собрав волю в кулак, я прибавила скорость. Вдруг я сама потеряла равновесие и шлёпнулась животом на снег, немедленно превратившись в человеческий аналог санок для бобслея. Я была тяжёлая, а моё зимнее пальто было сшито из гладкой ткани, поэтому я покатила вниз по снежному склону, не в силах затормозить. Я судорожно растопырила руки, вопя во всё горло: «Не-е-е-е-е-ет!..» Ничего, кроме этого, мне в голову не пришло. Я пулей пронеслась мимо близнецов, перелетела через сугроб на очередной виток шоссе и упала прямо на середину дороги. Всё это произошло за считанные секунды, так что передо мной даже не успела пронестись моя молодая и, прямо скажем, довольно бесцельная жизнь.

За мной через снежный бортик по краю шоссе перелетели дети. Надо сказать, из нас получилась живописная куча-мала. Близнецы по-прежнему заливались хохотом, из чего я заключила, что они не ушиблись. Что касается меня, я не была так уж уверена, что падение обошлось без повреждений. Однако, прежде чем успела проверить, осталась ли в живых, я услышала пронзительный визг тормозов, а сразу после этого – взволнованный голос:

– Вы что, совсем с ума сошли?! Я же вас чуть не задавил!

Отодвинув в сторону ногу одного из близнецов, я попыталась поднять голову. В метре от нас находился бампер тёмно-зелёной легковушки с цюрихским номером. Дверца машины была широко распахнута. Её водитель, юноша чуть старше меня, возвышался теперь прямо над нами. Он был до смерти напуган (и я его отлично понимала).

От пережитого потрясения меня затрясло так, что зубы начали выбивать дробь. Ещё бы чуть-чуть – и всё!

– Кому-то нужна помощь? – спросил юноша.

Кряхтя, я поднялась на ноги, обнаружив при этом, что мои руки-ноги в порядке. Посадка оказалась жёсткой, но благодаря пальто на пуховой подкладке и толстым перчаткам я ничего себе не содрала и не сломала.

– вроде бы нет, – ответила я, одновременно бегло осматривая близнецов.

Крови нигде не было видно, вывихнутых суставов – тоже. Глаза мальчишек сияли, на щеках красовался румянец. Типичные счастливые дети!

– Ещё раз! – завопили типичные счастливые дети. – Было так здорово!

На всякий случай я покрепче ухватила их за капюшоны курток, которые, слава богу, как ни странно, остались белоснежными.

– То, что вы устроили, было крайне глупо и опасно, – отчеканил юноша. – Вы могли погибнуть!

– Что верно, то верно! Вы совершенно правы, – выдавила я, продолжая стучать зубами. – Мне правда очень жаль. Понимаете, если на этом склоне поскользнёшься, то практически невозможно остановиться...

– Я тоже был бы виноват, – перебил юноша. Похоже, он меня даже не слушал и говорил скорее сам с собой. Он мрачно уставился в пространство: – Меня бы судили, а все свидетели были бы мертвы, потом приговорили бы к тюремному заключению, отобрали бы водительские права, и мой отец... – Тут он содрогнулся и замолчал.

Я откашлялась:

– Так что, наверное, стоит просто порадоваться тому, что все мы остались живы! – Озноб, кажется, утих, и я неуверенно улыбнулась. Мне хотелось положить ему руку на плечо, чтобы отвлечь от мрачной картины, которую он себе вообразил, но я боялась отпустить детей. – Честное слово, мне страшно жаль, что мы тебя так напугали... Ты не мог бы быть столь любезен и подвезти нас на машине наверх, к отелю? Ты ведь туда ехал, верно?

Конечно, он ехал туда: здесь, наверху, больше ничего не было. Вероятно, он был одним из тех шести дополнительных сотрудников, которых наняли для работы в ресторане на рождественские каникулы.

– Вы – гости из Германии, да?

– Да, ква, тра-ля-ля, тра-та-та, каля-маля, – ответил Эш. (Или это был Джейден?.. Выглядели они совершенно одинаково.)

Юноша кивнул, как будто это всё объясняло, и открыл задние дверцы, чтобы близнецы могли запрыгнуть в машину. На всякий случай я продолжала держать мальчишек за капюшоны и выпустила их только после того, как прочно пристегнула детей ремнями безопасности.

– Кажется, всё! – Я с облегчением захлопнула дверцу, благодарно улыбнувшись юноше. – Блокировка задних дверей – лучшее, что изобрели со времён печатного станка!

– Твои братья часто удирают от тебя, да?

– Ой, нет, это совсем не мои братья. Я не живу в отеле, я прохожу здесь годовую практику и сегодня первый день работаю няней. – Я рассмеялась: – Не лучшее начало, как можно заметить! К детям меня лучше не подпускать. Честно говоря, мне даже в прачечной больше понравилось, хотя в первый же день я обожглась о бельевой каток и сделала подпалину на салфетке с монограммой. – Обычно я не болтаю без умолку с незнакомцами. Наверное, сказался пережитый стресс и восторг от того, что я осталась в живых.

И потом, юноша почему-то необъяснимым образом вызывал у меня доверие. – Только, пожалуйста, не рассказывай никому, что, пока я гуляла с детьми, они чуть не попали под машину, ладно? Иначе меня уволят. – Я сняла перчатку и протянула юноше руку: – Кстати, я Фанни. Фанни Функе. – И чуть не добавила на автомате «недоучка из Ахима под Бременом» (болтовня Дона Буркхардта-младшего, очевидно, пагубно влияла на меня).

– Бен. – Юноша пожал мне руку. Кажется, моё чириканье немного привело его в себя, и он улыбнулся: – Бен Монфор.

– Как забавно! – заявила я. – Фамилия владельцев отеля тоже Монфор. Роман и Рудольф Монфоры. Они братья... О господи боже мой! Я обескураженно вытаращилась на него:

– Пожалуйста, скажи мне, что ты не их родственник!

Бен смущённо развёл руками:

– Мне очень жаль...

2

Мне тоже было очень жаль. Если быть точнее, очень жаль себя. До невозможности жаль! Мало того что вместе с двумя дошкольниками, которых мне поручили развлекать и ублажать, мы вылетели на проезжую часть, судьбе этого показалось мало. Ей непременно нужно было устроить так, чтобы мы чуть не угодили под колёса машины, которую вёл сын владельца отеля, где я работаю!..

Ужасно расстроившись, я обходила машину, собираясь сесть на место рядом с водителем, и лихорадочно вспоминала, что такого я успела наговорить. Я, конечно, преподнесла ему на блюдечке с голубой каёмочкой сразу две причины в пользу моего немедленного увольнения. И эти две причины в белых капюшонах восседали сейчас на заднем сиденье. Не говоря уже об испорченной салфетке с монограммой. Но ведь могло быть и хуже! Например, если бы я сказала: «Монфор – как у владельцев отеля? У Романа и Рудольфа Монфоров, или, как я их называю, Романа Скандалиста и Руди Рохли?»

На сиденье рядом с водительским лежал бумажный пакет с морковью. Я положила его себе на колени.

Вероятно, Бен был сыном Романа Скандалиста, старшего из братьев. Я знала о том, что у него имелся сын от первого брака, живший с матерью в Цюрихе, но представляла себе этого сына маленьким мальчиком, а не почти взрослым юношей. У Руди Рохли не было семьи, он жил один в маленькой квартирке на пятом этаже, под самой крышей отеля. Дениз со стойки регистрации рассказала мне историю, известную уже всему отелю. Ещё в юности Руди при трагических обстоятельствах якобы потерял любовь всей своей жизни и с тех пор вообще не интересовался противоположным полом. При каких именно трагических обстоятельствах это произошло, Дениз, к сожалению, не знала, однако вся эта история хорошо сочеталась с понурой фигурой Рудольфа Монфора и его взглядом, преисполненным печали, как у спаниеля. Однако следовало отдать ему должное: при встрече он приветливо кивал и меланхолично улыбался всем сотрудникам отеля. В том числе и мне.

В противоположность Руди его брат Роман улыбался исключительно гостям отеля. Служащих же он в лучшем случае игнорировал, как будто они были пустым местом, а в худшем – устраивал скандал, зачастую высасывая его из пальца. До сих пор мне везло: я ни разу не удостоивалась его неблагосклонного внимания, но ещё с сентября, с того самого дня, когда поступила в отель, у меня сердце уходило в пятки при мысли, что когда-нибудь гром грянет и над моей головой.

Весьма вероятно, этот момент как раз сейчас и настал. Если Роман Монфор мог в течение четверти часа орать на горничную из-за пятнышка зубной пасты на форменном платье и уволить швейцара из-за того, что его угораздило выкинуть окурок прямоком под дверь чёрного хода, то что он сделает с человеком, из-за которого дети постояльцев чуть не угодили под машину его сына?!

Пока Бен заводил мотор, я искоса разглядывала его. Ну да, семейное сходство налицо: голубые глаза, высокий лоб, массивный нос, волевой подбородок, густые тёмные волосы... Одним словом, юноша явно пошёл в отца. Только он был гораздо моложе. И гораздо симпатичнее. Даже в профиль его лицо внушало доверие.

Несмотря на это обстоятельство (а возможно, в первую очередь именно из-за него), мне следовало быть осторожнее. Боже меня упаси счесть Бена Монфора безвредным только из-за его смазливой физиономии! Ведь нет никакой гарантии, что он тут же не наябедничает на меня своему отцу. В конце концов, народная мудрость гласит: «Яблоко от яблони недалеко падает».

Может быть, мне удастся отвлечь Бена от случившегося, заведя непринуждённую беседу? Я зашуршала пакетом, привлекая к себе внимание:

– Как удачно, что ты захватил с собой пару морковок для снеговиков. Ведь сегодня вечером обещали снегопад!

Юноша улыбнулся в ответ:

– Я везу морковки не для снеговиков, а для Жестика и Жилетика.

Ёлки-палки! Сохранять осторожность и не доверять этому человеку становилось всё сложнее. Он ещё и животных любит!

Жестиком и Жилетиком сокращённо звали двух коней, которые жили в конюшне при отеле. Этих породистых и ласковых норикийских жеребцов по паспортам звали Широкий Жест и Белый Жилет. Летом они с развевающимися белоснежными гривами радостно скакали вокруг отеля. Вместе с пасущимися мохнатыми рыжими коровами с колокольчиками на шее эта парочка оживляла местную альпийскую идиллию. Зимой, якобы в соответствии с их же горячим желанием, коней запрягали в старинные гостиничные сани-розвальни, которые старый Штукки надраивал до блеска, чтобы катать постояльцев. Втайне я надеялась, что в рамках моей практики меня когда-нибудь пошлют работать на конюшню, потому что Широкий Жест и Белый Жилет были самыми ласковыми лошадьми, с которыми мне когда-либо доводилось общаться.

– Они наверняка очень обрадуются, – заметила я. – Старый Штукки недавно посадил их на диету. Он утверждает, что они разжирили, скучая в стойле без дела. – Если это было действительно так, я тоже внесла в это дело свою лепту, регулярно угощая коней бананами, которые они очень любили. И меня они тоже любили. Как только я открывала дверь в конюшню, они начинали радостно ржать и фыркать, и мне было совестно приходиться к ним с пустыми руками. – В конце концов, следующие несколько недель им предстоит попотеть: куча народу уже записалась на катание на санях у месье Роше.

– Угу, причём, как правило, катаются-то толстые, а худые предпочитают ходить сами... – вздохнул Бен. – Когда я был маленьким, у меня просто сердце разрывалось, глядя на это безобразие. Мне хотелось самому впрячься в сани. – Бен осторожно вёл машину вверх по горному серпантину, причем настолько осторожно и медленно, что близнецы на заднем сиденье завопили: «Быстрее, быстрее, тормозов не жалеи!» – а потом захихикали и зашептались.

– Ты приехал в гости к отцу? – Чуть осмелев, я сменила тему беседы. – Насколько я знаю, его сегодня вообще нет в отеле. – Роман Монфор жил не здесь (это мне тоже поведала Дениз со стойки регистрации), а вместе со своей девушкой снимал квартиру в Съоне, городке по соседству, откуда до отеля можно было добраться на машине минут за сорок пять. У Романа не имелось чёткого расписания, поэтому мы никогда не знали, когда он в следующий раз осчастливит нас своим присутствием и когда уберётся восвояси. Сегодня, во всяком случае, я его точно не видела. Между прочим, это была ещё одна причина быть благодарной судьбе: ведь я могла угодить под колёса его машины.

– Ничего страшного. Я приехал на все праздники, – ответил Бен.

– Что, прямо в отель? – вырвалось у меня.

– Я буду в отеле круглосуточно. – Он коротко глянул на меня, скосив глаза. – А ты имеешь что-то против?

О господи, конечно же я не имела ничего против! Я только не могла сообразить, где он будет ночевать. Может быть, у своего дяди? Все тридцать пять номеров в Замке в облаках были забронированы на рождественские и новогодние праздники, а в номерах 212 и 213 нам даже пришлось поставить дополнительные кровати. И все койки на этажах, где размещался персонал, тоже были заняты: на праздники владельцы отеля взяли дополнительных сотрудников.

– У тебя в отеле есть комната, где ты обычно останавливаешься? – рискнула спросить я.

Бен рассмеялся:

– Я забронировал герцогский люкс! – А затем саркастически заметил: – Не волнуйся, до сих пор мне всегда удавалось найти уголок, где можно приклонить голову. В конце концов, я

приехал сюда не спать, а работать. Мой отец, будь он здесь, не упустил бы случая напомнить мне об этом.

– Работать? – недоверчиво повторила я.

– Да, представь себе, работать. – Похоже, Бен был от этого не в восторге. – Впрочем, как и на всех каникулах. Тем более что это мои последние каникулы перед maturой¹, или, как говорят у вас, в Германии, получением аттестата. Все мои одноклассники отсыплются и празднуют, а родители пляшут вокруг них, и только мне придётся каждый день вставать в полшестого, не получая за это ни копейки.

– Кому ты это говоришь! – пробормотала я.

Но Бен, похоже, так разозлился, что уже не слышал меня.

– Ты проходишь в отеле годовую практику, а я, в отличие от тебя, пожизненную. В этот раз дядя Рудольф решил, что я буду заменять Дениз на стойке регистрации, но я точно так же мог бы добавлять хлорку в гостиничный бассейн или заправлять постели. И с бельевыми катками я тоже умею обращаться, даже с Толстой Бабёхой.

– Ни фиги себе! – потрясённо выдохнула я. Должна сразу пояснить, что Толстая Бабёха – это бельевой каток с валиками диаметром больше полутора метров, как и Старая Берта, стиральная машина, сделанная в прошлом веке, в барабане которой при желании могла бы разместиться небольшая семья, были незыблемыми столпами и святынями гостиничной прачечной. – Похоже, Павел о тебе весьма высокого мнения!

– Так и есть.

Бен гордо улыбнулся, и я не могла ничего с собой поделать: мне было всё равно, чей он там сын, мне он нравился. Мысль о том, что мы будем работать в одном отеле, согревала мне сердце. Если он был другом Павла, то был и моим другом.

Павел, повелитель стиральных машин, сушек для белья, бельевых катков и гладильных аппаратов, размещавшихся в подвале отеля, представлял собой бородатого качка-великана, лысого как коленка. Руки его сплошь покрывали татуировки с черепами, змеями и когтистыми птичьими лапами. Великана можно было легко вообразить в качестве вышибалы в каком-нибудь сомнительном ночном клубе, где собираются сатанисты. Во всяком случае, до тех пор, пока своими глазами не увидишь, с какой любовью он проглаживает воротничок на форменном платье горничной, напевая при этом мелодию Ave Maria. Он обладал чистым и звучным баритоном, и о его кантатах и оперных ариях по отелю ходили легенды. Я могла либо с восхищением внимать ему, либо подпевать (и тут оказалось, что музыкальные абонементы, которые бабушка с дедушкой дарили мне на каждый день рождения, принесли хоть какую-то пользу). К концу моей практики в прачечной мы с ним неплохо разучили дуэт Папагено и Памины из «Волшебной флейты» Моцарта в сопровождении шести стиральных машин в режиме интенсивного отжима. Болгарин Павел, говоривший на ломаном немецком, вместо слов из оперы Моцарта «Любви искал я много дней, даже в лесу мечтал о ней» пел: «Любви оскал на много дней лису чесал, мечтал о ней». Лично мне так нравилось даже больше: в этом угадывалось нечто философское, загадочное.

На последнем повороте дороги Бен нажал на газ, и мы выехали из сумрачного леса. Посреди плоского горного плато нашему взору открылся Замок в облаках. Яркое полуденное солнце освещало его стрельчатые окошки, башенки, каменные карнизы и балюстрады. У меня просто дух захватывало каждый раз, когда я видела его невыразимо прекрасный старинный фасад. Бен рядом со мной тоже тихонько вздохнул. Мне показалось, по той же причине, что и я, а возможно, и по какой-то другой.

Юноша проехал мимо арки, ведущей в подземный гараж, но, вместо того чтобы подрулить к парадному входу по элегантному въезду, остановился на открытой парковке поодаль.

¹ Мату́ра – европейский аналог ЕГЭ.

– Я, конечно, могу довезти вас прямо до вертящейся двери... – Он опять искоса взглянул на меня, и уголки его губ поползли вверх и превратились в улыбку.

Я улыбнулась в ответ:

– Очень любезно с твоей стороны, но отсюда мы и сами дойдём. Правда, мальчишки?

– Вон стоит этот идиот Дон. – Близнецы показали пальчиками на Дона Буркхардта-младшего, который, скрестив руки на груди, с самодовольным видом возвышался перед Полумесячной елью. Казалось, он чего-то ждал.

Или кого-то. И похоже, что нас.

Я застонала.

– Можете показать ему язык, я вам разрешаю, – сказала я.

Близнецы выполнили моё указание с необычайным усердием, при этом лизнув разок стекло машины Бена.

– У тебя незаурядный педагогический талант! – Бен прищурился, чтобы рассмотреть Дона повнимательнее. – Это, что ли, маленький псих, сынок Буркхардтов?

– Он самый, – кивнула я.

Обнаружив нас, Дон с любопытством направился в нашу сторону.

– Они уже почти три недели живут здесь, пока перестраивается их вилла в Берне. Я всю дорогу задаюсь вопросом: как им удалось освободить своего сыночка от школьных занятий на столько времени? В Германии у них бы это не вышло! – фыркнула я.

Бен пожал плечами:

– Должно быть, старый Буркхардт дал взятку директору. А если одной взятки оказалось бы мало, он, недолго думая, просто купил бы всю школу. Старик славится умением скупать всё, что не прибито гвоздями.

В голосе юноши прозвучала горечь, и мне ужасно захотелось спросить почему, однако дети уже отстегнулись, распахнули двери и устремились наружу. Я немедленно последовала за ними, автоматически ухватив их за белые капюшоны.

– Кстати, Дончик рифмуется со словами «пончик» и «помпончик», – вскользь заметила я.

Я услышала, как Бен расхохотался у меня за спиной:

– Ты и правда прекрасно «понимаешь» детей!

Я всё-таки обернулась. Окошко его машины поехало вниз.

– Зато я прекрасно лажу со Старой Бертой. Не веришь – спроси Павла!

Больше всего на свете мне хотелось крепко пожать Бену руку, однако обе они были заняты белыми капюшонами.

Я понизила голос:

– Большое тебе спасибо! И за то, что ты нас не переехал, и за то, что не собираешься на меня жаловаться.

На секунду Бен посерьёзnel:

– Понятное дело. Практиканты не ябедничают друг на друга.

Я просияла. Я так и знала: тот, кому Павел способен доверить Толстую Бабёху, не может быть плохим человеком!

– Я рада, что ты такой милый, хотя у тебя такой противный... – восторженно начала я и вдруг запнулась. Симпатия симпатией, но, возможно, всё же было слишком рано говорить Бену о том, как я счастлива, что он не похож на своего папочку. – Хотя тот противный спуск ужасно нас напугал, правда. – Фраза получилась до крайности неуклюжей, ну да ладно.

Я отпустила дверцу машины, и она захлопнулась.

– Гляди-ка, неужели Фанни Функе из Ахима под Бременом возит детей, порученных её заботам, в незнакомой машине, с незнакомым субъектом, без детских кресел?

Пока мы любезничали с Беном, Дон успел преодолеть расстояние от входа до парковки. Он посмотрел вслед машине Бена, свернувшей в сторону конюшни, – по всей видимости, юноша хотел скормить лошадям гостинцы как можно скорее.

Дон повернулся ко мне:

– Вопрос в том, понравится ли это господину и госпоже Бауэр из Лимбурга-на-Лане. Кто спросит их об этом: ты или я? Кстати, вот и они сами.

С торжествующей ухмылкой «оленёнок» указал на белоснежный «мерседес» семейства Бауэр, как раз в эту минуту вплывший на гостиничную парковку и остановившийся рядом с нами. Из него, возбуждённо помахивая сумочкой от «Дольче и Габбана», вышла госпожа Бауэр:

– Ку-ку! Вот вы где, мои маленькие зайчатки! Как замечательно всё получилось. Вы хорошо поиграли с вашей милой няней?

– «Милая няня»? Как же! Радуйтесь, что они вообще остались живы... – начал было Дон.

Но госпожа Бауэр не расслышала его, потому что один из близнецов в это время завопил во всё горло:

– Дончик-Дончик, сладкий пончик, толстый розовый помпончик!

А другой в это время потребовал:

– Хочу ещё-о-о раз!

Господин Бауэр тоже выбрался из машины и небрежно сунул мне в ладонь мятую купюру.

– Большое вам спасибо, что присмотрели за нашими маленькими хулиганами.

– Ха-ха-ха! – снова попытался возразить Дон. – Какая чушь! Вам ведь не придёт в голову благодарить акулу за то, что она откусила вам мизинец, вместо того чтобы оттяпать всю ногу!

По счастью, господин Бауэр не обратил на его слова никакого внимания: его неугомонные сыновья обхватили его за ноги – один за левую, другой за правую – и без умолку трещали о классной снежной горке, по которой им так понравилось спускаться.

– Ну что вы! Ваши детишки были мне только в радость, – заверила я Бауэра-старшего.

В данный момент это даже соответствовало действительности. Чуть ли не со слезами радости на глазах я наблюдала за тем, как близнецы – как бишь их звали-то? – вместе с родителями залезли в машину, помахали мне и покатали прочь.

Когда машина скрылась за поворотом дороги, ведущей в долину, Дон разочарованно вздохнул:

– Кстати, у тебя шишка в волосах, Фанни Функе, и выглядит это на редкость по-идиотски.

Я подавила в себе желание немедленно схватиться за голову и вместо этого неторопливо развернула купюру, которую сунул мне Бауэр-старший. Это была бумажка в сто швейцарских франков. Меня чуть не хватил удар.

– Этого не может быть!.. – упавшим голосом сказал Дон.

А вот и может! Ха!

– Ну что ж, мой первый рабочий день в качестве самой плохой няни на свете оказался совсем не так уж плох. – Хотя я отдавала себе отчёт в том, что глупо так наслаждаться своим неожиданным триумфом, всё же не могла удержаться и погладила Дона по голове: – Как ты считаешь, Дончик-помпончик, радость моя?

Дон криво ухмыльнулся, но даже это не лишило его обаяния.

– Как хорошо, что праздники только начинаются, правда? – спросил он, шепелявя чуть больше обычного.

Против воли у меня по спине побежали мурашки.

Улыбка Дона стала шире:

– Знаешь что? Я скажу родителям, что с завтрашнего дня хочу ходить в детскую игровую при отеле. Вы наверняка придумаете для нас мно-о-ого всего интересного! – И, проникновенно взглянув на меня своими большими карими глазами, «оленёнок» продолжил: – Почему-

то мне кажется, что в ближайшее время тебе светит множество самых различных неприятностей, Фанни Функе.

К несчастью, теперь мне тоже так казалось!

3

Через подвал, где хранились лыжи, я пробралась в отель и по чёрной лестнице взлетела на свой этаж в надежде, что не встречу никого, кто бы раскритиковал мой потрёпанный внешний вид. Больше всего я боялась, что меня увидит фрейлейн Мюллер. Старомодное обращение «фрейлейн» совершенно ей не подходило: долговязая и сухопарая кастелянша всегда одевалась безупречно, неизменно держалась прямо, словно аршин проглотила, и абсолютно точно не успела застать времена, когда к незамужним женщинам всерьёз обращались со словом «фрейлейн». Дело в том, что ей было всего лишь немного за сорок. Тем не менее она настаивала, чтобы её называли именно так. Это смешное старинное слово внушало уважение и страх. Неизбежно вспоминалась гувернантка фрейлейн Роттенмайер из «Хайди»². Она была так же негнбаема, как стальная линейка.

Однажды фрейлейн Мюллер отправила меня обратно в прачечную только потому, что резинки на кончиках моих косичек оказались разного цвета.

– Мы же не папуасы какие-нибудь, – добавила она. При этом в её голосе прозвучало глубокое презрение к папуасам. – Что подумают о нас постояльцы? Наш отель – почтенное заведение.

Я плохо представляла себе, кто такие папуасы. Несмотря на это, устыдилась до глубины души. В тот же день, дабы не бросить тень на честное имя и славные традиции отеля, в котором работаю, я на всякий случай выкинула в мусорное ведро все резинки для волос, кроме чёрных.

Вероятно, я потеряла резинку, съезжая по крутому горному склону. Мой аккуратный хвост растрепался, волосы беспорядочно рассыпались по плечам, к тому же в них вперемешку торчали колтуны и еловые иголки. Не нужно было смотреться в зеркало, чтобы понять: увидев меня в таком виде, даже папуасы осуждающе зацокали бы языками.

Мне повезло. По дороге в комнату мне встретилась только Запретная кошка, которая при виде меня призывно разлеглась на ковре, приглашая почесать ей пузо.

Рыжая киска получила свою кличку благодаря тому, что её вообще-то в отеле не могло быть ни при каких обстоятельствах. В «Шато Жанвье» строжайше запрещалось заводить и привозить домашних животных, и в первую очередь кошек, потому что их терпеть не мог Роман Скандалист. Никто не знал, откуда взялась Запретная кошка. Месье Роше, гостиничный консьерж, который знал все здешние секреты, утверждал, что кошка жила здесь всегда. Она и вела себя так, будто владелицей гостиницы являлась именно она.

Сама кошка, по-видимому, была ничейная, но на кухне её кормили в любое время, а если ей хотелось нежностей, как сейчас, она бросалась под ноги кому-нибудь, кто готов был погладить и почесать её. Всё остальное время она имела обыкновение живописно разваливаться на подоконниках, ступеньках и в креслах, органично вписываясь в любой интерьер.

Хотя Запретная кошка свободно гуляла по отелю и регулярно лежала на самых видных местах, она умудрилась ни разу не попасться на глаза Роману Монфору. Иногда – я видела это собственными глазами! – им удавалось разминуться буквально на несколько секунд.

Казалось, Запретная кошка заранее знала, когда и где хозяин отеля появится в следующий раз, и вовремя удалялась оттуда – медленно и с достоинством, как и полагается порядочной кошке. Время от времени в беседе с хозяином отеля постояльцы упоминали об изящной рыже-коричневой кошечке, которую они, по их словам, гладили на четвёртом этаже или видели спящей на рояле, стоявшем в бальном зале.

² «Хайди, или Волшебная долина» – повесть швейцарской писательницы Йоханны Спири, считающаяся классикой немецкой детской литературы XIX в. В те времена к незамужним женщинам до глубокой старости обращались со словом «фрейлейн». (Примеч. перев.)

После каждого такого разговора Роман Монфор начинал подозревать, что кто-то из гостиничного персонала завёл себе кошку, наплевав на строгий запрет.

Монфор устраивал на кошку облаву: без предупреждения прочёсывал комнаты работников и грозил устроить любому, кто отважится притащить в отель домашнее животное, «нечто гораздо более страшное, чем просто увольнение» (*что* именно он имел при этом в виду, мы не знали, и поэтому строили самые невероятные предположения).

Но поскольку он своими глазами ещё ни разу не увидел в отеле кошку, вероятно, он чувствовал себя немного параноиком. На его месте я бы решила, что мои сотрудники надо мной издеваются. Как бы то ни было, удивительно, что за всё время, пока Запретная кошка прогуливалась по коридорам Замка в облаках, никто не додумался специально выдать её местонахождение шефу: хозяин наверняка не пожалел бы за это прибавки к жалованью.

Почесав Запретную кошку везде, где ей того хотелось, я окольными путями наконец добралась до комнат персонала в южном крыле, не попавшись на глаза фрейлейн Мюллер. Окольных путей, чёрных лестниц и даже спрятанных лифтов в Замке в облаках существовало великое множество.

Мне потребовалось несколько недель, чтобы разобраться в них, и, хотя сейчас я в целом хорошо ориентировалась в отеле, не сомневалась, что на мой век ещё хватит неизведанных уголков. Прежде всего это относилось к подвалу, который, словно многоэтажный лабиринт, вгрызлся глубоко в скалу, на которой стояло здание. Кроме того, среди служащих «Шато Жанвье» упорно ходили слухи о том, что здесь обитают привидения, и я с восторгом им внимала. Помимо таинственного горного духа, который якобы являлся старому Штукки каждый раз, когда тот «дегустировал» домашний грушевый шнапс, в отеле жила некая Белая дама, ночами летавшая по коридорам, отчего стеклянные подвески на люстрах нежно позвякивали. Белая дама, видимо, искала родственную душу.

Легенда гласила, что когда-то в отеле остановилась несчастная молодая особа, вышедшая замуж за нелюбимого, и, не вынеся мук разбитого сердца, бросилась с верхнего этажа. Дальше легенда раздваивалась. Согласно одной версии, Белая дама должна была обрести покой только после того, как ей удастся сподвигнуть ещё кого-нибудь с разбитым сердцем выпрыгнуть из башни и таким образом составить ей компанию. Согласно другой версии (которая нравилась мне гораздо больше), призрак являлся, чтобы осушить слёзы, которые гостиничные барышни проливали из-за несчастной любви. Белая дама, вероятно, считала, что ни один мужчина не стоил того, чтобы прыгать из-за него с башни. Дениз со стойки регистрации клялась и божилась, что как-то раз, когда она поссорилась со своим парнем, видела, как ночью через гостиничный холл пролетело что-то белое, прозрачное и помаhalо ей рукой. Хотя, говоря начистоту, Дениз не исключала варианта, что она на секундоchку задремала и Белая дама ей приснилась. Никто из прочих служащих не видел Белую даму лично, рассказывали лишь о знакомых знакомых, хоть раз на своём веку встретивших гостиничное привидение. Только консьерж месье Роше утверждал, что легенда эта – абсолютная чепуха и что в этом отеле никто никогда не прыгал с башни или откуда бы то ни было ещё, причём ни от несчастной любви, ни по какой-либо другой причине.

И я подозреваю, что он был прав. Дело в том, что месье Роше оказывался прав в подавляющем большинстве случаев... Хотя, конечно, жаль, если привидение – всего лишь выдумка. Я бы с гораздо большим удовольствием встретилась с привидением, чем с некоторыми реально существующими персонажами отеля.

В коридоре, в который выходили комнаты персонала, сейчас не было ни души. С чувством глубокого удовлетворения я захлопнула за собой дверь с табличками: *Privee*, «Только для персонала» и «Хода нет» и поспешила к своей комнате. Начинались мои официальные три часа отдыха перед вечерней сменой с 18.00 в спа-комплексе, находящемся в подвале отеля. Если поспешить, то я успею принести Павлу в прачечную его любимый яблочный пирог с

корицей и вернуться в фойе, чтобы выпить послеобеденный кофе с месье Роше в кабинете консьержа, наблюдая за приезжающими и выслушивая его комментарии в их адрес. Если у меня получалось, я всегда приходила к нему в гости в это время.

Месье Роше был чудесным рассказчиком, сообщал мне массу полезных сведений о гостях отеля, а кроме того, после беседы с ним я чувствовала себя посвежевшей, отдохнувшей и окрылённой. Уж не знаю, как это у него получалось.

Месье Роше представлялся мне неким добрым духом Замка в облаках. В первый же день практики, когда всё шло наперекосяк, он утешил меня, смазал чем-то обожжённую руку и заверил, что, во-первых, никакая я не неудачница, и, во-вторых, что Павел и я скоро подружимся. Что бы он ни говорил своим неподражаемым тихим, деликатным голосом, ему хотелось верить без оглядки. И конечно, для меня он являлся неиссякаемым источником полезной информации об отеле и его гостях.

Больше всего мне было любопытно, как выглядят старый британский актёр (услышав, что он приезжает к нам, все неизменно восклицали: «Ах, этот!» – все, кроме меня, естественно) и американский текстильный магнат из Южной Каролины, забронировавший у нас шесть обычных номеров и люксов и ещё шестнадцать кроватей (даже семнадцать, если считать колыбельку в номере 210). Вдобавок сегодня в отеле ждали знаменитую фигуристку Мару Маттеус, ныне оставившую спорт, но в своё время выигравшую кучу золотых медалей. Она должна была вести новогодний бал. В «Шато Жанвье» спортсменка останавливалась впервые и настояла на том, чтобы взять сюда обоих своих карликовых пуделей.

– Ах, это ты, практи!

Я рано обрадовалась. Прежде чем я успела добраться до своей комнаты, из душа в коридор выпорхнула... слава богу, не фрейлейн Мюллер, а Гортензия, но, как по мне, так она была чуть ли не хуже фрейлейн Мюллер. Несмотря на то что она проработала здесь всего два дня, увидев меня, Гортензия сразу преисполнилась ко мне ненависти, шут её знает, по какой причине! Она и её подружки – Камилла, Ава и Как-её-там – учились в колледже гостиничного дела в Лозанне, откуда фрейлейн Мюллер вызвала дополнительный персонал на праздники. Я пока не успела выяснить, засчитывалась ли их деятельность в отеле за учебную практику или они просто подрабатывали здесь на каникулах горничными. Как бы то ни было, подружки, по видимому, считали, что превосходят несчастную гостиничную практикантку по всем параметрам и это даёт им право командовать мной и устраивать всякие пакости.

– Это что такое, практи?! – Гортензия сунула мне под нос длинный медно-рыжий волос. – Я только что выловила его из раковины. Гадость какая! – Слово «гадость» в её устах звучало как «гя-а-а-адос-с-сть».

– Мало того что мы вынуждены жить в этой отвратительной развалюхе в ужасных условиях, так нам ещё приходится делить этот допотопный душ с тобой! Поэтому будь любезна, убирай за собой! До тебя дошло?

Я сглотнула. Кроме меня, в отеле не было девочек с длинными рыжими волосами. Я сама ненавидела убирать из ванной чужие волосы, поэтому обычно тщательно следила за тем, чтобы не оставлять там своих. Однако в этот раз мне не удалось навести чистоту после себя по веской причине.

Я набрала в грудь воздуха:

– Возможно, ты помнишь, что вы вышвырнули меня из душа сегодня утром, потому что хотели непременно чистить зубы вчетвером? Поэтому я и не успела...

– Жалкие отговорки! Я больше не желаю убирать за тобой! Тебе понятно, потаскуха? – Гортензия брезгливо выбросила волос и с отвращением уставилась на меня. – Откуда в твоих космах столько иголок?

Я сглотнула ещё раз. Впервые в жизни меня на полном серьёзе назвали потаскухой, и это совершенно выбило меня из колеи.

Чтобы совладать с ситуацией, в которой не знаешь, что делать, моя подруга Делия и я в своё время изобрели игру под названием «Что сделал бы Иисус?», при этом вместо Иисуса можно было подставить кого угодно (мы придумали эту игру на одном страшно скучном уроке религии, поэтому она так и называлась). Кроме того, Иисус в данном случае точно не подходил. И не только потому, что умел ходить по воде и обращать воду в вино. На моём месте он бы просто возложил руку на Гортензию и исцелил её от вредности. Я, конечно, могла попробовать поступить так же... Гортензия страшно удивилась бы, если бы я возложила руку ей на голову и торжественно воскликнула: «Изыди, демон!» А потом она, вероятно, врезала бы мне, и на месте Иисуса мне пришлось бы подставить ей ещё и другую щеку...

– Чего молчишь? Язык проглотила, практи?

Я лихорадочно размышляла. Что бы на моём месте сделал... э-э-э... Махатма Ганди?³ Чёрт! Сегодня явно был не мой день. С другой стороны, разве не Ганди в своё время сказал: «Мы никогда не будем вести переговоры из страха и никогда не будем страшиться переговоров»?

Ну ладно. Я безмятежно улыбнулась и поправила на носу воображаемые очки, как у Ганди.

– Дорогая Гортензия, давай спокойно всё обсудим. Если вы хотите, чтобы я убирала душевую комнату после себя, вам не следует выставлять меня оттуда, пока я не закончу свой туалет. Давай завтра попробуем вести себя именно так, вдруг получится?

По лицу Гортензии было ясно: «Ганди» её не успокоил, а лишь раззадорил.

«Может быть, мне следует просто передразнить её?» – подумала я.

В это время Гортензия злобно воскликнула:

– Отговорки! Многим нравится, когда их «зеркалят».

Я упёрла руки в бока, злобно сощурила глаза и прогнусавила:

– Заткнись! И только попробуй ещё раз обозвать меня потаскухой. Или практи. Дошло?

– И что ты мне сделаешь? – Гортензия выпятила свой подбородок ещё дальше вперёд, чем я свой. – Пожалуйся старухе Мюллер? Ну давай, попробуй, только, боюсь, нас она любит больше. – Она торжествующе улыбнулась и добавила: – К твоему сведению, Камилла – её племянница. Причём любимая!

Ага, понятно. Это многое объясняло.

Внезапно я подумала: «А что бы на моём месте сделал Дон Буркхардт-младший?» (Это, конечно, говорило о том, что я уделяю ему слишком много внимания и принимаю всерьёз, ну да ладно.) Я открыла рот:

– К твоему сведению, Гортензия Задери-нос, временная горничная из Лозанны, я работаю в отеле значительно дольше тебя и успела обзавестись здесь влиятельными друзьями. – Получилось здорово – угрожающе вежливо. Точно так же, как у Дона, когда он упоминал о своём отце и его связях, только без швейцарского акцента и очаровательной шепелявости. – Друзьями, которым совсем не понравится, если кто-то будет обращаться со мной неподобающим образом, – процедила я. – Или если кто-то будет называть этот почтенный отель отвратительной развалюхой.

Гортензия открыла было рот, чтобы возразить мне, но в это мгновение в коридор ворвался порыв ветра, и дверь в душ с грохотом захлопнулась.

Мы обе испуганно вздрогнули, но, пока Гортензия оглядывалась по сторонам, соображая, что это было, мне – сама не знаю почему – показалось, что сам отель на моей стороне.

– Полагаю, мы поняли друг друга, – с достоинством произнесла я и, задрвав подбородок, проплыла мимо Гортензии к своей комнате в конце коридора.

³ Махатма Ганди (1869–1948) – индийский политический и общественный деятель, один из руководителей движения за независимость Индии от Великобритании.

Конечно, пользоваться методами девятилетнего паршивца непростительно (особенно неловко мне стало перед Иисусом и Махатмой Ганди), но что поделать, если они самые эффективные.

Я звучно захлопнула за собой дверь, заперла её на ключ, сняла пальто и начала выбирать из волос еловые иголки.

Когда в сентябре я поступила в Замок в облаках, я могла выбрать себе практически любое место: в обычное время половина кроватей персонала пустовала. Правда, одноместных комнат для горничных в отеле не было, а о комнате с ванной вообще приходилось только мечтать, но каморка, в которой я в конце концов поселилась, оказалась такой маленькой, что могла сойти за одноместную. В ней никто не хотел спать, потому что там не работало отопление, а в стене проходили утробно завывавшие трубы (Дениз со стойки регистрации утверждала, что это вовсе не трубы, а Белая дама, зазывавшая несчастные души на башню). Меня не волновало ни то ни другое, главное – у меня была отдельная комната. И сейчас, четыре месяца спустя, я по-прежнему не сомневалась, что сделала правильный выбор. Мне нравились выцветшие сиреневые обои и слуховое окошко под самой крышей, из которого виднелись вершины-четырёхтысячники Обер-Габельхорна, Дан-Бланша и Цинальротхорна. Из моего окошка открывался тот же вид, что и из панорамного люкса этажом ниже. Вид, за который гости выкладывали кучу денег (правда, за эти деньги в распоряжении гостей имелось десятиметровое панорамное окно и открытая терраса, ну да ладно).

Отопление и правда не работало, но я и дома предпочитала спать с открытым окном. Под толстой пуховой периной и двумя шерстяными одеялами я не мёрзла даже в самые холодные ночи. Что же касается утробных завываний, то до сих пор я слышала доносившиеся из стены лёгкие вздохи, и то всего два раза. И вообще в те ночи мне снились плохие сны, поэтому я с радостью просыпалась.

Вторую кровать, стоявшую под косым скатом крыши, я использовала как шкаф. Я боялась, что на рождественские праздники мне придётся освободить её для кого-то из дополнительных служащих. В этом случае в комнате будет совсем уж не повернуться: кроме кроватей, сюда ничего больше не влезало, за исключением приколоченных к стене двух полок, на которых я разложила часть своего барахла. Всё остальное тряпье так и лежало в чемодане под моей кроватью, в том числе купальник, который я захватила сюда, наивно полагая, что в свободное от работы время мне можно будет пользоваться гостиничным бассейном.

Как же я ошибалась!

Тем не менее пока всё шло к тому, что дополнительная кровать в моей комнате на праздники никому не понадобится. Среди сотрудников, приглашённых в отель на Рождество, оказалось больше мужчин, чем женщин, поэтому в мужском крыле было тесно, а у нас – попросторнее.

Я разделась до белья, чтобы вытряхнуть из одежды все еловые иголки, одновременно просматривая на мобильнике новые сообщения.

Как и каждый день, мама прислала мне дежурный текст: «Папа, Финн, Леон и я желаем тебе хорошо провести день в горах. Надеюсь, что у тебя будет время насладиться природой и как следует отдохнуть».

Конечно, дорогая мамочка, я как следует отдохну, выскребая унитазы, сортируя горы грязного белья, отлавливая вредных малышей и выслушивая гадости от спесивых горничных из Лозанны. Ну прямо санаторий!

Сообщение от моей подружки Делии оказалось немногим «интереснее» мамино. «Ура, каникулы! Я целую неделю не прикаснусь к учебникам и не буду думать о выпускных экзаменах. Буду веселиться, пить сколько захочу, смотреть сериалы и спать – неплохой план, верно?» Я вспомнила, с каким сарказмом Бен рассказывал про своих одноклассников, которые собираются весело провести праздники, и усмехнулась. «Что там интересного происходит в вашем

шикарном отеле? – писала дальше Делия. – Вкусные коктейли? Симпатичные парни? Молодые миллионеры, горящие желанием жениться на очаровательной практикантке? Если кого-нибудь найдёшь себе, спроси, есть ли у него брат. Брата возьму себе я. Целую, пока, Д.»

Я вздохнула. Мы с Делией были неразлучны с детского сада и даже в школе взяли одни и те же предметы по выбору, чтобы вместе ходить на все занятия. Худшее заключалось в том, что меня оставили на второй год в десятом классе: нам с Делией пришлось разлучиться. Хотя Делия утверждала, что это не важно, ведь мысленно я продолжала сидеть с ней рядом на всех занятиях и ей всё равно, окончу я школу годом раньше или годом позже, на самом деле она лукавила. Никогда я не чувствовала себя такой одинокой, как в качестве второгодницы в десятом классе. От мысли о том, что мои одноклассники окончат школу и вылетят в большой мир в то время, как я буду сидеть в Богом забытом Ахиме под Бременом ещё целый бесконечный тоскливый год, меня начинало подташнивать. Поэтому я вылетела в большой мир, опередив всех моих одноклассников. Правда, без аттестата в кармане.

Ну да, конечно, я могла бы заняться чем-то поинтереснее практики в отеле. Однако на практику на научной станции по изучению гепардов в Южной Африке, или в проект по наблюдению за китовыми акулами на Мальдивах, или на должность няни в Коста-Рике брали только совершеннолетних. В итоге я обрадовалась хоть какому-то бесплатному месту, куда мои родители согласились отпустить меня. И которое при этом находилось достаточно далеко от Ахима под Бременом.

Кто-то тихонько постучал в стекло, отвлекая меня от печальных мыслей. Снаружи на меня глянули два угольно-чёрных глаза, похожих на бусинки, и я поспешно распахнула окно.

Это было ещё одно преимущество моей каморки: на карниз перед окном любили слетаться альпийские галки. Наверное, потому, что девушка, жившая в комнате до меня, подкармливала их, хотя это строгойше запрещалось. Я с восторгом пошла по её стопам, плюнув на запрет.

В конце концов, это же была не туча голубей на площади Святого Марка в Венеции, чей помёт, по уверениям архитекторов, разъедает даже мрамор и когда-нибудь в итоге станет последней каплей, из-за которой Венеция рано или поздно канет в водах Адриатики. Нет, это были всего семь галок, не причинявших ровным счётом никакого вреда. Честно говоря, я никогда не видела, чтобы они какали. Это оказались чрезвычайно воспитанные птицы, которые, вероятно, каждый раз летали для этого в ближайший лес. Я окрестила их всех именем Хуго, потому что сначала все они были для меня на одно лицо: жёлтые клювы, чёрное блестящее оперение и смышлёные чёрные глазки-бусинки. Но потом я научилась их различать. И сейчас ко мне на окно слетались Хуго-меланхолик, Хуго – жуткий обжора (вообще-то обжорами были они все, но Хуго – жуткий обжора всё равно выделялся на общем фоне), Хуго-одноногий, Хуго-клептоман (который уже своровал у меня две заколки, крышку от бутылки с минералкой и чуть не стащил зарядку для мобильного, но втайне я всё равно любила его больше всех), Хуго-пухлячок, Хуго-попрыгун и Хуго-бука.

– Приветик, Хуго-попрыгун! Ты решил навестить дорогую Фанни?

Хорошо, что меня никто не слышал. Мало того что я сюсюкала с галками, я ещё и говорила при этом о себе в третьем лице. Делала я это для того, чтобы они запомнили, как меня зовут. В Интернете я прочитала, что альпийские галки достаточно умны для того, чтобы научиться повторять отдельные слова, и я не теряла надежды, что когда-нибудь кто-то из них скажет: «Привет, дорогая Фанни! Как дела?» По-видимому, сегодня этот момент ещё не наступил. Хуго-попрыгун молчал и прыгал туда-сюда по карнизу, выжидающе поглядывая на меня.

Солнце, так ярко светившее в первой половине дня, постепенно скрывалось за клочковатыми облаками, наползавшими с запада через горы. Проходя через бледные полосы облаков, солнечный свет приобретал молочный оттенок. Поднимался ветер.

– Как ты думаешь, снег пойдёт ещё до заката? – спросила я, разминая в пальцах сдобную булку и кроша её на карниз.

Из орнитологического форума в Интернете я почерпнула ценную информацию о том, что в отличие от обычного хлеба сдоба не вредит пищеварению галок. Мои галки воротили носы от семечек подсолнуха, овсяных хлопьев и орехов, которые я пробовала предлагать им, а вот сдобу всегда сметали с аппетитом.

Пока я продолжала переодеваться, на карниз шумно приземлились Хуго-одноногий и Хуго-бука, явно горевшие желанием помочь Хуго-попрыгуну справиться с трапезой.

Я щёлкнула их пару раз на мобильник и отправила фотографию, на которой они умильно смотрели прямо в объектив, Делии с подписью: «Тут куча симпатичных парней. Я тебе не говорила, потому что ещё не решила, кого выбрать. Брата я оставляю тебе. Договорились?»

Маме я послала ту же фотографию, но с другой подписью: «У меня тут природа прямо на оконном карнизе. Эти птички абсолютно счастливы, хотя и необразованны. С ума сойти!»

Крошек на карнизе уже не осталось, но троица Хуго не спешила улетать, наблюдая за тем, как я натягиваю чёрные медицинские колготки с утягивающим эффектом – одну из десяти пар, счастливой обладательницей которых я недавно стала. Согласно строжайшему требованию фрейлейн Мюллер, с чёрной гостиничной униформой следовало носить исключительно чёрные колготки. Сначала я пыталась носить нормальные колготки, не такие старушечьи, но стрелки на них появлялись с такой скоростью, что я не успевала покупать новые. Не говоря уже о других их недостатках, а именно: тому, кого фрейлейн Мюллер заставляла на своём посту за подтягиванием колготок, грозил первостатейный скандал. На такое якобы были способны только вандалы (не иначе как дальние родственники папуасов). В результате мне пришлось остановиться на медицинских колготках. Сколько бы их ни называли старушечьими, если уж их натянешь, они не съезжали ни на миллиметр, что бы ты в них ни делала. Кроме того, ноги в них смотрелись изящнее, чем в чём бы то ни было другом. Несмотря на то что они были видны ниже колен. Именно такой длины была униформа горничных, которую я сейчас и натягивала под неусыпным наблюдением трёх галок.

Невероятно: на вешалке эта униформа выглядела бесформенным балахоном на пуговицах и с белым воротничком, а на мне она, как по мановению волшебной палочки, превращалась в строгое, сдержанное, но очень изящное платье. Закрытый ворот, приталенный покрой, слегка расклёшенная юбка... Эту униформу словно скроили специально для меня. И хотя она была донельзя простой – белоснежный воротничок, накрахмаленные манжеты, золотые пуговицы и вышитая на груди эмблема отеля с короной, выглядела я в ней как Одри Хепбёрн пусть и с метёлкой в руках. В этом платье я автоматически переставала сутулиться. Возможно, со стороны это покажется странным или даже достойным сострадания, но в гостиничной униформе и в плотных медицинских колготках я смотрелась элегантнее, чем когда-либо в жизни.

С удовлетворением бросив взгляд на своё отражение в зеркале, привинченном к внутренней стороне двери, я воткнула последнюю шпильку в пучок, в котором не осталось ни единой еловой иголки, и повернулась к трём моим красавцам Хуго:

– Можете восхищённо присвистнуть мне вслед.

Галки, конечно, не присвистнули, но все три весьма одобрительно посмотрели на меня, прежде чем улететь по своим делам, когда я захлопнула окно. Его приходилось закрывать, иначе в моё отсутствие постель превратилась бы в настоящий сугроб. Меня до сих пор поражало, как стремительно здесь, в горах, менялась погода. Небо быстро затягивали облака, очертания горных вершин теряли чёткость. Облачный фронт приближался к отелю, ветер крепчал. Синоптики обещали усиление снегопада и циклон на всю ближайшую неделю, и хотя гостям, которые должны были съехаться на праздники, это сулило проблемы с транспортом, я радовалась как ребёнок.

Это наверняка будет самое снежное Рождество в моей жизни. И первое Рождество вдали от дома и семьи. Раньше я была уверена: при мысли о том, что на праздниках придётся вкалывать как проклятой и общаться с совершенно чужими людьми, я взвою от тоски по маме, папе и братьям. Однако всё оказалось не так. Я сгорала от нетерпения и возбуждения.

Было ясно: скука мне на это Рождество точно не светит.

4

Несмотря на то что, согласно внутреннему распорядку отеля «Шато Жанвье», в номера категорически запрещалось заселяться с домашними животными («в интересах гостей отеля, которые нуждаются в спокойной обстановке»), за сегодняшний день сюда въехали три собаки. Разумеется, с их владельцами. Если считать мопса господина и госпожи фон Дитрихштайн из номера 301, прибывшего вместе с ними вчера, налицо имелось уже четыре исключения из правил отеля, каждое из которых Роман Скандалист одобрил лично.

«Постояльцы бывают обычные и особенные, – повторял он. – И наш долг – выполнять и угадывать пожелания особенных гостей».

Фон Дитрихштайны явно относились к категории особенных гостей: во-первых, они могли похвастаться дворянским происхождением, во-вторых, работали репортёрами (он – фотографом, она – журналисткой) и уже много лет специализировались на интервью со знаменитостями и эксклюзивных репортажах с балов и различных тусовок. Правда, следует отметить, их мопс не представлял ни малейшей угрозы для спокойной обстановки в интересах нуждающихся в ней гостей отеля. Он лежал на полу молча и почти не шевелился. Сначала я даже приняла его за чучело или одну из сувенирных бонбоньерок, сделанных настолько искусно, что они действительно не отличались от живых зверей. Окончательно сомнения рассеивались только тогда, когда начинал откручивать такой бонбоньерке голову, чтобы добраться до шоколада внутри.

Он даже не пускал слюни, а для мопса это особенность поистине небывалая.

По сравнению с ним пудели бывшей знаменитой фигуристки Мары Маттеус казались пошустрее. Правда, и они тоже вели себя в высшей степени прилично, пока их хозяйка заполняла формуляр на стойке регистрации, а Роман Монфор, прибывший в отель почти одновременно с ними, беспрерывно похлопывал и поглаживал их по пушистым головкам.

Я наблюдала за приездом ведущей новогоднего бала, спрятавшись в глубине ложи консьержа. Отсюда открывался превосходный обзор на весь гостиничный холл и даже на площадку перед вертящейся дверью снаружи. Я отлично слышала голоса, раздававшиеся со стойки регистрации, но за деревянными панелями стойка консьержа не просматривалась. При необходимости я могла высунуть нос – и в один миг снова исчезнуть из поля зрения, что и поспешила сделать, когда на пороге отеля показался её владелец. Вообще-то он и так никогда не обращал на меня внимания.

– У-тю-тю, золотые мои собачки, такие же золотые, как и ваши медали! – обратился Роман к Маре Маттеус, похохатывая над своим оригинальным каламбуром.

Его сын Бен, стоявший за стойкой регистрации, еле заметно поморщился, однако немедленно вновь придал выражению лица невозмутимый вид.

Похоже, Бен приступил к работе сразу же после своего визита к Жестику и Жилетику, даже не распаковав вещи. Либо он был сверхобязательным человеком, либо его папочка не делал ему ни малейшей поблажки, как и остальным служащим. Правда, если Бен действительно работал здесь бесплатно, Роман Монфор мало чем мог его напугать: ни вычет из зарплаты, ни досрочное увольнение ему не грозили.

Донельзя прохладную встречу отца и сына я тоже наблюдала из своего укрытия. Будем честны: увидев Бена, губы Романа Монфора не растянулись в улыбке даже наполовину так радостно, как при виде пуделей Мары Маттеус. В свою очередь Бен вообще не улыбался, в его взгляде читалась озабоченность. Дело в том, что, когда он появился в отеле, его отец как раз распекал Анни Мозершу, потому что она имела наглость пересечь гостиничный холл.

– Что я вам запретил делать?! – прошипел он.

– Совать мой сморщенный нос туда, где он может напугать постояльцев?

Анни Мозерша была самой старой горничной в службе уборки номеров, которую возглавляла фрейлейн Мюллер, а возможно, и самой старой горничной на свете. Взглянув на её круглое морщинистое лицо и руки с набухшими венами, усеянные пигментными пятнами, с лёгкостью в это верилось. Свой возраст Анни Мозерша хранила в тайне и утверждала, что её вынесут из Замка в облаках только ногами вперёд, ведь только тогда она не сможет держать метёлку для пыли. Однако до этого было ещё далеко: никто, даже сама фрейлейн Мюллер, не смахивал пыль с таким усердием, как Анни Мозерша. Никто не карабкался вверх по стремянкам столь бесстрашно, чтобы добраться до карнизов для штор и узорной лепнины на потолке. Никому не было известно столько хитростей, касающихся выведения пятен с обивки мебели и ковров.

– Простите, это больше не повторится. – И Анни Мозерша поспешила прочь.

А Роман Монфор мрачно посмотрел ей вслед и только после обернулся и поприветствовал сына. Я не расслышала, *что* именно Монфору-старшему сказал Бен, но, судя по тому, что его лицо осталось мрачным, особой радости ему это не доставило. Вместо сердечных объятий папочка лишь хлопнул Бена по плечу, а Бен последовал его примеру. В следующую минуту вены на лбу владельца отеля снова набухли, и Роман Монфор опять взорвался от ярости – на этот раз оттого, что он обнаружил на вертящейся наружной двери отпечатки жирных пальцев (примерно на уровне пальцев рук низкорослого девятилетнего ребёнка, заметим в скобках).

Судя по всему, его сыну такого рода общение было не в новинку. Во всяком случае, он и глазом не моргнул, услышав гневную тираду своего отца. А вот двое гостиничных посыльных, непривычных к разносам Романа Скандалиста, по-видимому, напугались до смерти и наперегонки побежали за тряпкой.

Стоя за конторкой регистрации в чёрном форменном пиджаке, Бен выглядел старше, чем сегодня днём, когда мы познакомились. И косога пробора у него тоже не было, насколько я помню. Вежливо улыбаясь, он протянул Маре Маттеус ключи от её номера.

Эпоха цифровых технологий и магнитных карточек ещё не добралась до Замка в облаках. Точнее, в вопросах, касающихся ключей и замков, отель прочно застрял в девятнадцатом веке. Некоторые постояльцы находили это устаревшим и возмущались, однако большинство наших гостей считали, что вычурные кованые ключи с подвешенными к ним тяжёлыми золотыми кистями были частью тщательно продуманной ностальгической концепции гостиничного интерьера.

– Позвольте, я провожу вас в ваш номер. Я хотел бы лично убедиться в том, что всё в нём устроено согласно вашим пожеланиям, – просюсюкал Роман Монфор и цапнул со стойки ключ прежде, чем весьма привлекательная Мара Маттеус протянула к нему руку. – Этот – как его там? – Якоб позаботится о вашем багаже.

Как-его-там-Якоба на самом деле звали Яромир. И сейчас он, одетый в униформу швейцара, в цилиндре и расшитой галунами ливрее, являл собой весьма впечатляющее зрелище. Он переносил это стоически, но я знала, что маскарадный костюм ему не по душе: за предыдущие два дня он не упустил ни единого случая пожаловаться на судьбу. Мои знания чешского языка за последнее время сильно расширились, причём я сомневаюсь, что их можно было найти в языковых учебниках. Кроме того, я выучила по-чешски прекрасное предложение: «Я завхоз, а не директор цирка, чёрт бы их всех побрал!» Вообще-то Йонасу и Нико, приехавшим в отель подработать на праздниках из того же гостиничного колледжа в Лозанне, что и Гортензия и её девицы, приходилось ещё хуже. Они шеголяли в форме посыльных: в курточках до талии, расшитых теми же галунами, и идиотских круглых шапочках, напоминающих крышки шляпных коробок. Однако тот факт, что Йонасу и Нико приходилось ещё хуже, Яромира не утешал.

Только когда я напомнила ему, что такой шикарный швейцар просто обязан получать много чаевых, Яромир немного успокоился. Наверное, поэтому, завидев меня, он прикоснулся пальцем к полям шляпы и подмигнул, волоча тележку с багажом к служебному лифту.

Вообще-то в «Шато Жанвье» уже давно не было ни посыльных, ни швейцаров, ни мальчиков-лифтёров. По приезде гостей в отель дежурный на стойке регистрации приветствовал их и разбирался с багажом. Однако на рождественские праздники, когда в отеле собирались сливки общества, по традиции эти должности вместе со старой униформой, пахнувшей нафталином, вновь извлекались на свет божий.

Несколько недель назад, когда я ещё работала в прачечной, я помогала Павлу доставать из чехлов и приводить в порядок тяжёлые, расшитые золотыми галунами ливреи из грубошёрстного сукна, которые могли бы стать гордостью любого музея. Мы отпаривали их и полировали латунные пуговицы. В процессе я выучила арию «К милой невесте скромной прошу вас поспешить» из оперы Моцарта «Дон Жуан», а также очаровательное слово «эполет» – так назывались нашитые на ливреи наплечники из золотого галуна. Слово это мне ужасно нравилось, и я ждала случая, когда можно будет непринуждённо вернуть его в разговор.

Когда решётка старинного лифта со скрипом и лязганьем захлопнулась, увозя наверх Романа Монфора, Мару Маттеус и прекрасно воспитанных собачек, по холлу прошелестел общий вздох облегчения, а я наконец-то смогла выглянуть из своего убежища.

Месье Роше подмигнул мне поверх очков, восседавших на его носу.

– Если собаки не заливаются лаем и не преследуют кошку, я ничего против них не имею, – заметил он. – Только жалко, что после собак снег... скажем так, уже не белоснежный.

Я хихикнула:

– Это точно! Это было первое, что мне рассказывала мама, когда шёл снег: «Не лезь туда, где он жёлтый!» Но у нас дома, на равнине, снег всё равно долго не лежит.

Взгляд месье Роше засветился сочувствием.

– Особенно на Рождество, – добавила я. – На Рождество у нас всегда идёт дождь.

– Какой кошмар! Ещё один марципановый трюфель, юная леди? – В качестве утешительного приза за бесснежное детство месье Роше протянул мне серебряную вазочку с конфетами, шоколадная глазурь которых, по мнению гостиничной кондитерши мадам Клео, была недостаточно совершенна и поэтому их невозможно было предложить гостям.

– Да, спасибо, но это уж точно последний!

Я с наслаждением закрыла глаза, ощущая, как шоколад тает на языке. Какое счастье, что кондитерша оказалась законченной перфекционисткой, и какая удача, что все недостаточно совершенные образцы её творчества доставались служащим! К примеру, кусочек апельсиновой цедры, выглядывавший из глазури, считался веским поводом забраковать птифур. А однажды она отослала обратно на кухню целый противень эклеров. Знаете почему? Потому что, по её мнению, они слишком походили на... пенисы.

– Ну что, твой первый рабочий день в качестве няни выдался таким ужасным, как ты и воображала? – осведомился месье Роше.

– Он затмил мои худшие предположения. – Я драматически закатила глаза. – А ведь детей было только двое. Но с завтрашнего дня рядом со мной будет настоящая воспитательница, которая наверняка будет знать, что делать, если дети убегают с детской площадки и бросаются под машину, вместо того чтобы лепить снеговика...

С воспитателями в «Шато Жанвье» дело обстояло примерно так же, как со швейцарами и посыльными, – в любое другое время года услуги воспитателя здесь не предлагались. Конечно, за исключением случаев, когда кто-то заранее запрашивал услуги няни. Тогда владельцы отеля лезли из кожи вон, но в итоге добывали няню. Однако на рождественских каникулах из ближайшего городка в отель ежедневно приезжала воспитательница, официально развлекавшая всех юных гостей (до двенадцати лет) с девяти утра до шестнадцати тридцати. А в этом году ей ассистировала ещё и я, талантливая практикантка, обожающая детей.

– Хм-м! – Ни в чьих устах «хм-м» не звучало столь очаровательно, как в устах месье Роше. Ни тени осуждения или сомнения, одно лишь искреннее участие и поддержка. – В такую

погоду завтра вам, вероятно, так или иначе придётся остаться в здании. Кстати, при необходимости игровая комната запирается на ключ. Ключ лежит внутри, на притолоке, на случай, если кто-то захочет удрать.

– Или прорваться внутрь, – продолжила я, вспомнив о Доне Буркхардте-младшем.

В единодушном молчании мы прихлёбывали капучино, который я принесла с собой. За разговорами он, к сожалению, успел почти остыть, но кофе в отеле был настолько хорош, что его можно было пить даже холодным.

Я чувствовала, как напряжение и нервозность уступают место спокойствию.

Консьерж месье Роше действовал на меня успокаивающе, как бальзам на душу. Понятия не имею, как это ему удавалось, но в его присутствии я становилась увереннее и спокойнее. Конечно, мои проблемы при этом никуда не девались, но словно бы уменьшались в размерах. Вот и сейчас ссора с Гортензией и утреннее пихание локтями в душе показались мне мелочами – такими, что я даже не рассказала о них месье Роше.

Возраст консьержа было практически невозможно определить. С одной стороны, на его бледном вытянутом лице я почти не могла разглядеть морщин – только лучики вокруг глаз. С другой стороны, его седые волосы, а также забота о других и мудрость позволяли предположить, что он, скорее, годился мне в дедушки, чем в отцы. Однажды я спросила у него, сколько ему лет. В ответ он недоумённо посмотрел на меня и сказал: «Ах, люди, люди!.. Вечно вы интересуетесь цифрами», после чего я утвердилась во мнении, что месье Роше гораздо старше, чем кажется.

После недавнего скандала и лихорадочной суеты спокойствие, воцарившееся в фойе, казалось особенно благостным. Я наслаждалась каждой его минутой, отчётливо понимая, что это затишье перед бурей. Бен в это время разбирал документы. Господин и госпожа Людвиг из номера 107 сидели на диване перед пылающим камином, периодически тихонько шурша газетами. А оба посыльных стояли, беспомощно озираясь вокруг, и выглядели так, будто их сейчас заставят танцевать марш оловянных солдатиков из «Щелкунчика».

Несколько гостей уже прибыли, но большинство мы ждали сегодня вечером и в течение завтрашнего дня. Перед Марой Маттеус на стойке зарегистрировался немолодой одинокий мужчина неприметной наружности, которого я сочла бы скучным... если бы не месье Роше.

– Ну уж нет! Скучным этого человека не назовёшь... – пробормотал он. – Посмотри повнимательнее. Возможно, сначала, в пальто, это не слишком бросается в глаза, но он в прекрасной физической форме. Прибавь к этому мягкую походку, костюм, сшитый по индивидуальным меркам в ателье, цепкий взгляд, которым он незаметно обшарил фойе... Кроме того, ты заметила? У него под мышкой что-то оттопыривается. Это, несомненно, кобура, а в ней пистолет.

– Ага! – возбуждённо проептала я, действительно разглядев что-то под пиджаком мужчины. – Это наёмный убийца? Или... э-э-э... брачный аферист, который... э-э-э... почему-то носит оружие... Наверное, нам нужно сообщить куда следует, что один из постояльцев разгуливает по отелю с пистолетом? Он же может на кого-нибудь напасть!

Однако месье Роше только улыбнулся:

– Он поселился в номере 117, рядом с панорамным люксом, поэтому я практически уверен, что он телохранитель, которого наняли обеспечивать безопасность семейства Смирновых.

– А-а!

Эта версия показалась мне менее увлекательной, но более безопасной, чем гипотеза о наёмном убийце. Семейство Смирновых из России, забронировавшее панорамный люкс, похоже, было весьма специфическим. Вне всякого сомнения, они считались особенными гостями, и в первую очередь – богатыми. Помимо приветственного угощения за шестьсот франков и букета роз (в придачу шампанское, трюфели, чёрная икра и японская клубника), они заказали ещё и цветочную композицию из тридцати пяти белых амариллисов и четверть

килограмма сырой шаролеизской говядины. Мясо следовало положить в холодильник. По всей видимости, оно предназначалось для их собаки – исключения из правил отеля номер четыре, помимо мопса Дитрихштайнов и пуделей Мары Маттеус. (Судя по заказанному количеству говядины, собака Смирновых была лилипутом или сидела на жёсткой диете.)

Я поставила чашку из-под капучино на стойку. Снаружи уже смеркалось. Как будто нарочно выждав подходящий момент для своего появления, с лестницы грациозной походкой сошла составить нам компанию Запретная кошка. Она запрыгнула на стойку и уселась между настольным звонком и моим локтем, изящно изогнувшись, словно китайская ваза эпохи Мин. Точнее, уникальная китайская ваза эпохи Мин, которая мурлычет и вылизывается.

При виде Запретной кошки супруги Людвиг подтолкнули друг друга локтями и заговорщицки улыбнулись друг другу. Пожилая парочка из номера 107 входила в число моих любимцев: они всюду ходили, трогательно взявшись за руки, читали друг другу стихи и вообще были в высшей степени очаровательны. Он называл её «моя красавица», она его – «мой любимый». Со своими старомодными причёсками и костюмами, которые, вероятно, казались им самым донельзя элегантными, а со стороны выглядели бедновато и просто, супруги словно перенеслись сюда из середины прошлого века. Они явно не привыкли к тому, чтобы их кто-то обслуживал, и страшно стеснялись этого. Супруги Людвиг ежедневно оставляли на комодике пятифранковую монету с запиской: «Это Вам, милая горничная!»

Заправляя постель, я всегда клала каждому из них на подушку по две шоколадки вместо одной, а потом честно опускала монету в копилку чаевых для персонала в офисе, хотя, очевидно, эти деньги предназначались именно мне. Помимо того факта, что остальные горничные в отеле с трудом подходили под описание «милый», Людвиги регулярно осыпали меня похвалами за то, что я выполняла какие-то их пожелания. Вообще-то это были совершенно обычные просьбы. Например, заменить подушку на более жёсткую или обработать обувь водонепроницаемым средством.

В юности госпожа Людвиг мечтала станцевать вальс на новогоднем балу в «Шато Жанвье», и чтобы всё было как полагается: в роскошном бальном платье, с диадемой в заколотых наверх волосах. Год за годом она листала журналы для дам, выискивая фотографии новогоднего бала в отеле, на которых знаменитости, миллионеры и прочие сливки общества танцевали, смеялись и пили шампанское.

«Глядя на эти фотографии, я слышала, как поют скрипки», – прошептала мне однажды пожилая леди. А её супруг с воодушевлением добавил: «Да-да, это правда!» – и бросил на неё влюблённый взгляд.

Когда будущей госпоже Людвиг исполнился двадцать один год, она познакомилась с господином Людвигом и наконец поняла, с кем хочет танцевать на этом балу. Они поженились спустя лишь четыре месяца после знакомства. Новоиспечённые супруги Людвиг не относились к категории богатых и знаменитых, поэтому отдых в «Шато Жанвье» по-прежнему был им недоступен, что не помешало им быть счастливыми. Шли годы, они вырастили троих детей, построили маленький домик и усердно работали, выплачивая за него кредит.

– Однако она продолжала мечтать о Замке в облаках, – подчёркивал господин Людвиг, рассказывая эту историю (я немного подсократила её), а его супруга добавляла:

– Мечтать не вредно: кто мечтает, тот всё ещё молод.

Именно по этой причине господин Людвиг тридцать лет тайно брал уроки танцев и тайно же откладывал деньги, пока не скопил сумму, достаточную для того, чтобы пожить в «Шато Жанвье» с Рождества до Нового года.

– Он даже хотел купить мне диадему для бала, – вспоминала госпожа Людвиг, любовно поглаживая плечо своего супруга. – Но я решила, что это будет уж слишком. Вероятно, я буду самой старой барышней, когда-либо танцевавшей на здешнем новогоднем балу, но зато самой счастливой. Не правда ли, любимый?

– Ты будешь самой красивой, дорогая! – восклицал господин Людвиг.

Я украдкой стёрла со щеки слезу умиления: в жизни не видела ничего более романтического.

Конечно же супруги Людвиг не случайно заняли наблюдательный пост в холле прямо напротив вращающейся двери. Как и я, они прямо-таки лопались от любопытства и не хотели пропустить приезд знаменитостей, ожидавшихся на праздники. Прибытие Мары Маттеус привело их в бешеный восторг. В не меньший восторг они пришли, увидев миллиардершу и меценатку, известную как баронесса фон Подшипников, которая вместе со своим спутником (мужчина был значительно моложе её) поселилась в номере 110.

Британский актёр, семейство американского текстильного магната и экстравагантные русские также должны были прибыть сегодня. При некоторой доли везения – ещё до ужина.

Я искоса взглянула на Бена. Теперь, в отсутствие его отца, я наконец осмелилась заговорить с ним.

– Хочешь конфету? – вполголоса окликнула я его. – Марципановый трюфель мадам Клео, второй сорт.

– С превеликим удовольствием! Бросай, – ответил Бен. – Я умираю с голоду.

Секунду я боролась с искушением выполнить его просьбу буквально и запустить в него трюфелем через весь холл. Но, во-первых, до стойки регистрации было довольно далеко, во-вторых, тогда мне пришлось бы как-то ухитриться и не задеть колонну, украшенную еловыми ветками, а в-третьих, трюфели кондитерши мадам Клео были слишком хороши, чтобы ронять их на пол, если я вдруг промахнусь.

– Иди, не беспокойся, – сказал месье Роше, словно читая мои мысли. – На своём веку я съел уже достаточно трюфелей.

В холле по-прежнему царил тишь да гладь, поэтому я взяла вазочку с конфетами и вышла из ложи консьержа. Покинуть её можно было либо перелезая через стойку(конечно, это представлялось более быстрым способом, но для столь солидного заведения крайне неприличным), либо через ту дверь, за которой находилось служебное помещение без окон, но с кучей дверей, и одна из них вела как раз в фойе.

Начался снегопад. Плавно снижаясь, снежинки плясали в свете фонарей возле входа в здание. Из бара на восточной стороне отеля доносились звуки рояля. Я предложила конфеты Людвигам («О, какая прелесть! Какое исключительное обслуживание!») и обоим посыльным.

Один из них, Нико, на мгновение замешкался:

– Во время работы есть не полагается.

– Хм-м! – заметила я, и у меня это прозвучало далеко не столь снисходительно, как из уст месье Роше.

Нико поднял руку, чтобы в задумчивости почесать в затылке, но это ему сделать не удалось: на этом месте красовалась идиотская круглая шапочка.

– Если это увидит господин Монфор, он немедленно уволит нас. Ты же слышала, как он только что орал на нас из-за жирных следов на стекле. А там, в офисе, кажется, сидит его брат. – Нико махнул рукой на дверь за стойкой регистрации. – Говорят, что он не так строг, как господин Монфор, но я не хочу в первый же день испортить себе репутацию в глазах всего начальства.

Мы с Беном переглянулись. По всей видимости, Бен ещё не успел обмолвиться о своём родстве с владельцами отеля.

– Может, у них тут есть скрытые камеры. – Нико в задумчивости задрал голову к потолку. – Хотя, с другой стороны, технически этот отель, конечно, безнадежно устарел. Такие лифты я до сих пор видел только в кино. А уж бойлеры в комнатах для персонала...

– За то время, которое ты тут разглагольствуешь, ты бы успел съесть всю вазочку, – перебила его я и притворилась, что убираю от него конфеты. – Кстати, я тебе уже говорила, что

согласно рейтингу журнала Food & Travel трюфели мадам Клео являются лучшими в мире? (Если бы сотрудники журнала Food & Travel добрались сюда, так, несомненно, и было бы.)

Нико торопливо зачихнул конфету в рот.

– Ты тут работаешь практи, да? – спросил он, энергично двигая челюстями. – Камилла и Гортензия говорили мне о тебе.

«Практи!» Ха! Ненавижу, когда меня так называют, кто бы это ни был!

– В отеле моя должность называется не «практи» и не «практикантка». Здесь для этого существует специальный термин... «эполет». – Ну да. Иногда на меня находит. Делия называет это явление «пятиминутка чудачеств».

– Эполет? – повторил Нико. – В первый раз слышу.

Я изогнула бровь:

– Как, ты сказал, называется ваша специальность в колледже? Напомни.

– Бакалавр наук в сфере международного гостиничного менеджмента! – выпалил Нико, и на его лице в эту секунду отобразилась первостатейная гордость по этому поводу.

Потом эту гордость как корова языком слизала. Вероятно, он в очередной раз вспомнил, насколько по-идиотски одет.

– Ну тогда вы, наверное, скоро будете это проходить. Бен внимал нашему разговору, широко ухмыляясь, опершись локтями на стойку регистрации.

– У тебя ещё остались трюфели, эполет?

«Конечно!» – хотела было ответить я.

Однако в эту секунду спокойствию, царившему в холле отеля, пришёл конец, ожидаемая буря грянула.

5

В качестве буревестника выступил не кто иной, как Дон Буркхардт-младший, со скучающим видом возникший в дверях ресторана. В руках у него была тарелка с куском шоколадного торта, а на лице играла злорадная улыбка. Однако обдумать, *что* всё это могло бы означать, я не успела, потому что в следующую секунду случилась настоящая лавина событий. Снежинки за окном, только что медленно кружившие, превратились в густой снегопад. У входа в отель остановилось сразу несколько машин, одновременно зазвонили телефоны на стойке регистрации, в ложе консьержа и в офисе заскрипели чугунные решётки лифтов, а Запретная кошка спрыгнула со стойки. Казалось, кто-то нажал на кнопку – и время, ненадолго замедлив свой бег, в одно мгновение помчалось снова. Всё пришло в движение. Когда Яромир выкатил пустую багажную тележку из грузового лифта, кончик хвоста Запретной кошки исчез за дверью служебного помещения – исчез ровно в тот момент, когда на лестнице показался Роман Монфор, который так и остался стоять на лестнице скрестив руки. Вращающаяся дверь повернулась. Хрустальные подвески на люстре в холле тихо звякнули, языки пламени в камине взметнулись выше, по фойе пронёсся порыв ледяного ветра.

– Вам что, требуется особое приглашение? – набросился Роман на обоих посыльных. – Вас поставили сюда не для украшения! Вносить внутрь багаж гостей нужно *до* того, как вас об этом попросят! – Его взгляд скользнул по мне – я застыла в неподвижности, словно загнипнотизированная, и – о счастье! – переместился к Бену, который как раз клал на рычаг телефонную трубку. – Надеюсь, это была не личная беседа! – рявкнул Роман, сбегая по лестнице. – Куда запропастился твой дядя? Его помощь была бы сейчас весьма кстати. Приехали Барнбуки, и я хотел бы... Господи ты боже мой! Почему меня окружают одни идиоты?

В своём рвении как можно скорее попасть наружу Йонас и Нико заблокировали входную дверь. Каждый раз, когда на неё слишком сильно налегали, её заклинивало: спешку она не жаловала, старушка предпочитала более спокойный темп передвижения. В результате девушка в клетчатом зимнем пальто, оказавшаяся в одной из секций вертящейся двери, застряла намертво и теперь неистово стучала в стекло.

– Нет, это невозможно! – Роман гневно нёсся по ковру через фойе к входной двери, то есть прямо на меня.

Я увернулась и, стараясь сохранять присутствие духа, открыла обычную дверь рядом с вертящейся, чтобы Роман не врезался в меня, а вылетел наружу. В ту же минуту Нико и Йонасу наконец удалось снова привести вертящуюся дверь в движение. Они выскочили на площадку перед входом, а девушка в клетчатом пальто наконец оказалась в холле. Она была примерно моего возраста и очень красивая – с нежной фарфоровой кожей и длинными блестящими белокурыми волосами, рассыпавшимися по плечам.

– Вы заработали штрафные баллы, – сказала девушка по-английски с американским акцентом. Она не обращалась ни к кому конкретно, но говорила так, будто на неё были нацелены многочисленные прожекторы и телекамеры. Манерно вздохнув, она повернулась на каблуках вокруг своей оси, обозревая фойе. – А у вас тут всё по-старому. – Девушка принялась: – И пахнет точно так же, как раньше: дымом из камина, полиролем и пылью.

В этот момент блондинка окончательно мне разонравилась. «Пылью»! Какая несправедливость! При фрейлейн Мюллер в этом здании даже единственная пылинка не могла остаться незамеченной! Дымом от камина и полиролем в фойе и правда пахло, но, во-первых, полироль благоухал апельсином, льняным маслом и мёдом с небольшой примесью скипидара (когда я протирала мебель, от этого запаха у меня всегда немного кружилась голова), а во-вторых, неповторимый аромат свежее испечённого ржаного хлеба, доносившийся с кухни, в настоящий момент заглушил все обычные запахи.

– Такое впечатление, что сейчас из-за угла выйдет дворецкий из английского телесериала «Аббатство Даунтон», – тем временем продолжала девушка, демонстративно зевнув. Однако затем её взгляд скользнул по лицу Бена, и она распахнула глаза: – Oh! My! Gosh!⁴ – Девушка вплотную подошла к стойке и швырнула на неё свою шикарную сумку цвета карамели.

– Бен? Бен Монфор? Неужели это ты?!

Бен смущённо улыбнулся (или мне показалось, что смущённо):

– Добро пожаловать в «Шато Жанвье»!

Вообще-то я собиралась воспользоваться моментом и снова юркнуть в ложу консьержа, однако теперь, боясь пропустить что-то важное, я двигалась словно в замедленной съёмке. Мой английский был на приличном уровне – благодаря многочисленным английским и американским сериалам, которые мы с Делией смотрели в оригинале, потому что у нас не хватало терпения дожидаться немецкого перевода. Эта девушка выглядела как героиня одного из подобных сериалов. Героиня в амплуа белокурой бестии.

– Это невероятно! – Белокурая бестия оперлась локтями на сумку, продолжая тарашиться на Бена. – Боже мой, у меня просто слов нет! Ни фига себе – «всё по-старому»! Беру свои слова обратно. Когда мы виделись в последний раз, ты был на десять сантиметров ниже меня, страшно горбился и к тому же весь в прыщах.

Улыбка Бена стала официальнее.

– Я надеюсь, ваша поездка была приятной, а перелёт спокойным? – сказал он по-английски с прекрасным произношением.

Пока они беседовали, я почти успела пересечь холл, направляясь к месье Роше, который беседовал с кем-то по телефону. Однако не скажу, чтобы слишком торопилась.

Я по-прежнему двигалась словно в замедленной съёмке, будто что-то удерживало меня на месте и тянуло назад.

Девушка не ответила на дежурный вопрос Бена, но продолжила тараторить:

– Просто невероятно!.. У тебя теперь такие широкие плечи! – Она мечтательно улыбнулась и продолжила: – Когда мы были детьми, то вместе играли в прятки, и ты учил нас кататься на скейтборде, и от тебя всегда так странно пахло хлоркой. Если бы я тогда знала... Хотя что я говорю? Никто и предположить не мог, что ты вырастешь и станешь таким душкой! – Девушка захлопала своими длинными ресницами. (Всё это я видела и слышала, так как, к моему собственному изумлению, я не дошла до месье Роше, а вернулась назад, к стойке.) – Ты ещё помнишь меня?

Бен исподтишка покосился на меня. Я, конечно, могла ошибаться, но выглядел он так, будто ему до смерти хотелось закатить глаза.

– Разумеется, помню. Ты одна из девочек Барнбрук, – ответил он исключительно радушно. – Мы рады снова приветствовать вас в нашем отеле. Вы бываете у нас каждый год.

– О нет-нет-нет! Я не одна из девочек Барнбрук! Я – звезда среди девочек Барнбрук. – Она с надеждой взглянула на Бена, потом вздохнула. – Гретхен! Я Гретхен! Помнишь, тебе же всегда так нравилось моё имя.

Правда, что ли? В устах Гретхен её имя звучало как «Грэ-э-этш-ш-шн» и было похоже на сдавленное, гриппозное «а-а-апчш-ш-шхи!».

– Добро пожаловать, Гретхен!

На лице Бена по-прежнему играла приветливая улыбка, а я тем временем врезалась плечом в колонну, что немного привело меня в чувство и вырвало из странного оцепенения, в котором я разгуливала по фойе задом наперёд, словно сомнамбула, горя желанием не пропустить ничего из происходящего. Мне следовало немедленно исчезнуть, пока никто не заметил моего странного поведения. Я поторопилась преодолеть последние метры до служебного поме-

⁴ О чёрт возьми! (англ.)

щения, и, как оказалось, это произошло как раз вовремя: я закрывала за собой дверь, когда в холл вошёл Роман Монфор в сопровождении всех остальных, и притом весьма многочисленных, Барнбруков.

Когда я проскользнула в ложу консьержа, месье Роше как раз положил телефонную трубку на рычаг. (Не нажал кнопку, а действительно положил трубку на рычаг. Большинство гостиничных телефонов были современными, однако телефон консьержа явно относился к эпохе сороковых – пятидесятих годов прошлого столетия, и я регулярно щёлкала его на свой смартфон. Да что там! Я просто влюбилась в него: старинный диск с цифрами, изящная форма – прелесть!)

– Аэропорт в Сьоне закрыт из-за метели, поэтому частный самолёт семейства Смирновых сядет в Женеве. На всякий случай я перенёс массаж травяными мешочками, забронированный для госпожи Смирновой, на завтра.

– Ух ты, у них ещё и свой самолёт?!

– Если я не ошибаюсь, у них целый ангар самолётов, – ответил месье Роше. Однако я слушала его вполуха, ловя другим ухом малейшие подробности того, что происходило напротив, на стойке регистрации.

А там в это время воцарился хаос. Распределить многочисленных Барнбруков и их ещё более многочисленный багаж по шести номерам оказалось нелёгкой задачей. К тому же и сами Барнбруки ещё сильнее всё усложняли, тараторя одновременно так, что Бен не успевал им отвечать. Его дяди по-прежнему нигде не было видно.

Супруги Людвиг с наслаждением наблюдали за суматохой со своего дивана. В отличие от них Дон, по-видимому, отправился по своим делам. Во всяком случае, я его больше не видела.

Хотя заокеанское семейство говорило всё разом, пронзительный голос Гретхен слышался довольно отчётливо:

– Элла! Смотри – это Бен Монфор! Он, что ли, ещё в прошлом году был такой душка, а ты мне об этом не сказала? – По-видимому, Гретхен всё ещё переваривала тот факт, что у Бена больше нет прыщей. Ужасные, должно быть, были прыщи, раз она так волновалась! – В прошлом году я не смогла полететь с вами в Европу: я заболела мононуклеозной ангиной. – Она чуть прибавила громкости: – Или, как говорит бабушка, поцелуйной болезнью.

– Ш-ш-ш!.. – прошипела я. Бестактнее не бывает!

– Какое большое семейство, не правда ли? И очень... э-э-э... оживлённое. – Месье Роше сочувственно улыбнулся мне. В своём стремлении не пропустить ни звука я, вероятно, перегнулась слишком сильно через стойку консьержа. – Ты давно не общалась со своими сверстниками, да?

Да, его вопрос застал меня врасплох. Это была правда. Обычно и гости, и персонал «Шато Жанвье» были людьми либо среднего, либо пожилого возраста. Дети приезжали сюда редко, а молодёжь... молодёжи я здесь пока не видела вообще. Однако начались праздники, и внезапно здесь появилась целая толпа юношей и девушек. Я пока не могла решить, нравится мне это или нет.

– Они все такие... одинаковые, как бы не запутаться, – смущённо пробормотала я.

– На самом деле всё не так сложно, – ответил месье Роше светским тоном и указал на пожилого господина с седой бородкой, беседовавшего с Романом Монфором, чья улыбка в данный момент, казалось, способна растопить айсберг – такая в ней сквозила горячая симпатия. – Это мистер Барнбрук-старший, по прозвищу Папаша, глава концерна «Барнбрук индастриз». Ещё его родители приезжали в наш отель на Рождество. Это семейная традиция, которой Папаша – кстати сказать, в детстве он был прелестным мальчуганом – неукоснительно следует. Если кто-либо из клана Барнбруков выражает недовольство поездкой в Замок в облаках, глава семьи угрожает лишить его наследства. Единственная для него веская причина остаться дома

– болезнь. Очевидно, он оставит после себя весьма солидное наследство, потому что до сих пор все здоровые члены клана в полном составе приезжают сюда на Рождество. Год за годом.

– Провести праздники в роскошном отеле в Швейцарских Альпах – тоже мне наказание! – заметила я.

Тем более что Папаша платил за всю семью, а также заказывал всем женщинам и девушкам Барнбрук по новому платью для новогоднего бала. Для него и миссис Барнбрук-старшей, которая стойко игнорировала прозвище Мамаша, предназначался герцогский люкс на третьем этаже. Их сыновья Хэнк и Том со своими жёнами Люсиль и Барброй должны были проживать в номерах 208 и 209. Комнату 210 выделили для Харпер, старшей дочери Хэнка и Люсиль, которая тоже приехала с мужем и новорождённым ребёнком. Упомянув мужа Харпер, месье Роше на долю секунды наморщил лоб, однако, порывшись в памяти, вспомнил, что молодого человека звали Джереми. Он был дипломированным специалистом в области текстильной промышленности и, кроме того, страдал аллергией на орехи. Младенца звали Эмма. Гретхен являлась младшей сестрой Харпер, через полтора года она должна была окончить среднюю школу. Элла, старшая дочь Тома и Барбры, оказалась её ровесницей, и у неё были три младшие сестры: пятнадцатилетняя Эми, десятилетняя Мэдисон и восьмилетняя Грейси. Пятерых девочек Барнбрук планировали поселить в люкс имени Термена, куда мы поставили дополнительную кровать. Предполагалось, что в номере 212, находившемся рядом, будут жить мальчики Барнбрук: Клаус – брат-двойняшка Гретхен, его двоюродный брат – двенадцатилетний Джейкоб, а также восемнадцатилетний Эйден, приёмный сын Папаша и его супруги, страдавший глухотой.

Чтобы не запутаться в многочисленных Барнбруках, мне очень пригодилась бы соответствующая схема или родословное древо, но в моём распоряжении не было ни того ни другого, только пояснения месье Роше, излагаемые торопливым шёпотом. Руководствуясь ими, я судорожно старалась запомнить новые лица и правильно соотнести их с именами.

Я в очередной раз мысленно перебирала их всех по очереди: приёмный сын Эйден был темноволосым, с большим мясистым носом, у всех же остальных Барнбруков были светлые волосы и вздёрнутые носики, и все они походили друг на друга.

Вдруг на стойке регистрации вспыхнул скандал.

– В этот раз мы хотели бы номер с видом на го-оры... – канючила девушка, которой Бен пытался вручить ключ от люкса имени Термена. Если не ошибаюсь, это была Элла. – И мы с Гретхен хотели бы отдельную комнату. Мы не обязаны нянчиться с младшими. Мы уже вышли из этого возраста. И вообще, у нас одна ванная комната на пятерых! Хуже, чем в летнем палаточном лагере!

– Элла! – предостерегающе произнесла её мать (опять забыла, как её звали). – Немедленно прекрати ныть!

– Нам вообще не нужна нянька, Элла, коровья задница, – добавила малютка Грейси.

– А если будет нужна, мы попросим Эми, – подхватила Мэдисон. – Она в тыщу раз лучше вас.

Пятнадцатилетняя Эми стояла чуть в стороне от толпы Барнбруков. Внешне она была очень похожа на Эллу (которая, в свою очередь, сильно напоминала Гретхен и Харпер), но у неё была более короткая стрижка, кроме того, она носила очки. Я сочла это очень любезным с её стороны и подумала, что так мне будет проще отличать её от остальных членов семейства.

– Насколько я помню, в люксе имени Термена две отдельные спальни, – раздражённо заметила она, – и огромная ванная.

– Да, а ещё там есть гостевой туалет, гардеробная и камин с открытым огнём в большой спальне... – радушно добавил Бен.

– Камин Элла и Гретхен, естественно, сразу заберут себе, – перебила его Эми.

А Грейси заметила:

– Угу, это будет комната коровьих задниц.

– О господи, Грейси! – воскликнула её мать. – Откуда ты только берёшь подобные выражения?

– Я их сама выдумываю! – гордо ответила Грейси, а Мэдисон захихикала.

– Но я хотела комнату с видом на го-оры! – Казалось, ещё немного – и Элла в бешенстве топнет ножкой. – С панорамой. И балконом. Гретхен и я могли бы поменяться с Харпер и Джереми. Они всё равно только и делают, что возятся с малышкой. И секса у них не бывает! При дочурке они стесняются.

– Элла Джейн Барнбрук! – Бедная мама Эллы не знала, куда деться от стыда за своих драгоценных дочерей. Она обеспокоенно взглянула на свёкра и свекровь, но те всё ещё были погружены в беседу с Романом Монфором, который улыбался как заведённый. Судя по обрывкам фраз, долетавших до нас, речь шла об игре в гольф, курсе доллара и погоде. – Сию минуту прекрати и начни вести себя прилично, иначе просидишь у себя в комнате все каникулы! Тебе ясно?

– Это всё ужасно несправедливо!.. – заныла Элла.

Мать многочисленного семейства выглядела так, будто у неё начался приступ мигрени.

– Элла, я серьёзна как никогда! Я разрешу тебе спуститься в бальный зал, только если с этой минуты и до тридцать первого декабря ты не будешь доставлять мне хлопот.

Харпер, старшая из сестёр Барнбрук, с малышкой на руках, уже давно забрала ключ от своего номера и тянула своего мужа к лифту, шепча ему что-то на ухо. Мальчики Барнбрук тоже отправились наверх. Посыльный Йонас и «директор цирка» Яромир завозили две доверху нагруженные багажные тележки в грузовой лифт. Под строгим взглядом матери Эллы с кислой миной взяла со стойки ключ.

– Кстати, многие гости предпочитают вид на другую сторону, ведь там окна выходят на восток, а восходы в горах очень красивы, – ободряюще заметил Бен. – К тому же оттуда хорошо видны *chamois* на горных склонах. (Слово *chamois* было мне незнакомо, но я предположила, что имеются в виду горные козы. Бен, конечно, мог говорить и о каких-нибудь лишайниках или мхах, но вряд ли он завёл бы о них речь применительно к панораме.) Замечу, что у этого люкса чрезвычайно интересная история. В нём останавливался не только изобретатель Лев Термен, он заезжал к нам во время своего мирового турне в конце двадцатых годов прошлого века, но и поэт Райнер Мария Рильке, который создал здесь некоторые из своих прославленных стихотворений.

– Вообще-то стихотворения, которые он написал у нас в отеле, не относятся к числу прославленных, – шепнул мне месье Роше. – *Pays silencieux dont les prophètes se taisent*⁵. Он писал их на французском.

– Да ладно, – прошептала я в ответ. – Спорим, что ни та ни другая девица в жизни не слышали о Рильке. (Я уже не говорю о Льве Термене! Правда, до приезда сюда я про него тоже не слышала.)

И ровно в этот момент я увидела... кучку. Большую коричневую кучку явно собачьего происхождения на мраморном полу рядом с колонной прямо посреди фойе. Кроме меня, её пока ещё никто не заметил. Как такое могло быть?

Раньше её загромождал чемодан, и только поэтому я заметила какашки только сейчас. Я в ужасе уставилась на собачий «сюрприз». Мне казалось, что он воняет на весь отель. Какой ужас! Как только это безобразие могло оказаться у всех на виду? Неужели кто-то из пуделей незаметно сделал за колонной свои дела, пока хозяйка регистрировалась? Почему же мы не почувствовали запах раньше? Это не мог быть мопс Дитрихштайнов: в основном они таскали его на руках, и едва ли возможно, что господин или госпожа Дитрихштайн прокрались в холл с

⁵ «Край молчаливый, где безмолвствуют прозренья» – цитата из сборника «Валезанские катрены» Р. М. Рильке, катрен № 6. (Примеч. перев.)

мопсом на руках, чтобы дать ему возможность покакать. Месье Роше рядом со мной вдохновенно цитировал Рильке на французском, Барнбруки-старшие по-прежнему беззаботно болтали с отцом Бена, а я судорожно размышляла, что мне делать.

Обнаружив кучку, Роман Монфор с праведным гневом конечно же обрушится не на её виновницу – собаку – и тем более не на её хозяина или хозяйку. Он устроит разнос кому-то из служащих – тому, кто допустил, что вонючий «сюрприз» посреди холла не убрали вовремя. Даже если виноват во всём был он сам, ведь именно Роман допустил столько собачьих исключений из гостиничных правил. Однако сейчас это было не важно. Из-за собачьей кучки, наносящей урон репутации отеля, полетят головы служащих, одна-то голова уж точно. Вопрос только в том – чья.

– Идём, Элла! – Гретхен взяла кухню под руку. – Мы всё устроим. Нащёлкаем фото с балкона Харпер и подпишем, что это вид из нашего окна.

– Гретхен – звезда инстаграма, – сообщила Грейси Бену, которому собачья кучка была не видна из-за колонны.

– Ну, звезда – это несколько преувеличено... – заскромничала Гретхен.

– Да уж, небольшое преувеличение! – Эми закатила глаза. – На неё подписан сто тридцать один человек! Ах, с ума сойти! И каждого из них она знает лично!

– Сто тридцать три! Кроме того, я там совсем недавно зарегистрировалась. – Гретхен откинула волосы и вместе с Эллой неторопливой походкой направилась к лестнице. Сейчас они пройдут рядом с кучкой. Надо было что-то делать. Причём срочно!

– Может быть, Бен захочет подписаться на тебя в инстаграме. – Эми улыбнулась Бену, закинула на плечо свой рюкзачок и последовала за Гретхен и Эллой. – У неё такой потрясающий профиль – он называется *gumpugretchen*⁶. Ворчунья Гретхен объясняет своим подписчикам, почему блондинкам не идёт жёлтый, как рисовать на глазах эффектные стрелки, а также как делать селфи с животными и выглядеть при этом симпатичнее животных...

– *Gritty Gretchen*⁷, – поправила её Гретхен и остановилась, а Элла злобно сверкнула глазами на Эми. – Мой аккаунт называется *Gritty Gretchen*, и, в полном соответствии с названием, речь в нём идёт далеко не о макияже и моде. Я даю советы, которые могут пригодиться в трудную минуту. Советы о том, как смелым девчонкам преодолевать препятствия, которые ставят перед ними жизнь.

Я восприняла это выражение как призыв к действию.

Собачья кучка была препятствием, которое поставила передо мной жизнь, а я – смелой девчонкой, призванной преодолеть его.

На глазах у изумлённого месье Роше я вытащила из нагрудного кармана его пиджака белоснежный платок, задрала ногу на стойку ложи консьержа, уселась на неё верхом и соскользнула с другой стороны.

– Советы, которые могут пригодиться в трудную минуту? Как изящно припудрить слишком толстый нос и каков единственно верный рецепт капкейков? – продолжала Эми.

– Пошли, Гретхен. – Элла потянула кухню дальше. – Эми просто завидует. Как всегда.

Я пролетела вперёд, чуть не задев обеих девиц, опустилась на колени перед колонной и набросила на кучку белоснежный платок месье Роше. Платка как раз хватило, чтобы прикрыть неприятный сюрприз целиком, но выглядел этот натюрморт весьма странно: как будто платок непостижимым образом парит над полом.

– О-о-ой! – вырвалось у Гретхен, естественно, во весь голос.

Эми, Элла, Мэдисон, Грейси и их мать с любопытством уставились на меня.

⁶ Ворчунья Гретхен (англ.). (Примеч. перев.)

⁷ Отважная Гретхен (англ.). (Примеч. перев.)

– Прошу прощения. – Я выпрямилась и попыталась загородить собой странное зрелище. – Там была... э-э-э... небольшая лужица. Снежок растаял. Это вредно для мраморного пола.

Я храбро попыталась ухватить кучку. Какое-то мгновение у меня ещё была надежда, что кучка не настоящая, а пластмассовая. Такие продают в магазинах прикольных подарков и в шутку подкладывают друзьям. Но нет, под платком оказалось что-то мягкое и местами – у меня комок подкатил к горлу – даже жидкое. И его было слишком много, чтобы собрать носовым платком и унести. Для этого мне понадобились бы два или три таких платка или ещё что-нибудь, чем я могла бы убрать эту гадость. Я застыла на месте, решительно не зная, что делать.

К моему величайшему облегчению, семейство Барнбрук продолжило свой путь к лестнице. Роман сопровождал Барнбруков-старших к лифту. Я опустила взгляд и перестала дышать, чтобы на меня никто не обратил внимания. Я всей душой надеялась, что Роман Монфор поедет провожать Барнбруков на третий этаж, – в этом случае у меня было бы достаточно времени, чтобы всё убрать.

К несчастью, маленькая Грейси осталась стоять на месте как приклеенная. Подняв глаза, я обнаружила её прямо перед собой. Конечно, стоя на коленях и держа руку над платком, прикрывавшим якобы растаявший снег, а на самом деле – непонятно что, я представляла собой в высшей степени странное зрелище. Месье Роше в своей ложе консьержа напротив тоже удивлённо поднял брови.

– Мне нравится твоё платье, – заметила Грейси. Было видно, что она старается сказать мне что-нибудь приятное. Наверное, ей стало жаль меня. – Очень красивые пуговицы и вышитая корона.

– Спасибо, мне оно тоже нравится, – ответила я. – А у тебя классная кошачья шапочка. Какие славные плюшевые ушки!

И тут мне на ум пришла отчаянная мысль.

– Послушай, Грейси, ты не могла бы одолжить мне свою шапочку до завтра?

Грейси с любопытством уставилась на меня.

– Меня зовут Фанни, – торопливо добавила я. – Я работаю здесь няней и обещаю тебе, что завтра утром верну тебе шапочку. – «Выстиранную и надушенную», – мысленно добавила я. – Она нужна мне для важного дела.

Грейси не раздумывала ни секунды:

– Конечно!

Девчушка сорвала с себя шапочку и вручила её мне. После этого она повернулась и побежала догонять родственников, которые уже поднимались по лестнице. Ах, если бы все дети были такими великодушными! Если бы со всеми можно было так легко договориться!.. Я дождалась, когда лязгнет решётчатая дверь лифта, и быстро-быстро с помощью платка сгребла собачью кучку в шапочку Грейси, стараясь не смотреть и, по возможности, не дышать в том направлении. Кучка оказалась страшно липкой, но мои пальцы как по волшебству остались чистыми. А вот шапочка Грейси...

– Что ты там делаешь, Фанни Функе? – Кто-то тронул меня сзади за плечо. Это был Дон, который, конечно же, материализовался позади меня буквально из воздуха в самый неподходящий момент.

– А ты как думаешь? – пробурчала я.

Мальчишка скрестил руки на груди:

– Как я понимаю, ты только что запихала что-то коричневое и липкое в шапку, которую обманом выпросила у маленькой девочки. Очень умно! Я бы не додумался.

«Оленёнок» тихо захихикал. У меня возникло подозрение, что он всё время находился здесь и наблюдал за мной. Вероятно, я была не единственной, кто умел хорошо прятаться.

– Это ты... это *твоя* работа, ты, маленький... – Я потрясённо уставилась на него.

– Ты на редкость быстро соображаешь, Фанни Функе, недоучка из Ахима под Бременом. – Дон дьявольски ухмыльнулся, ухитрившись при этом выглядеть довольным и в то же время непостижимо славным. – Ой-ой-ой! – громко завопил он голосом, который сделал бы честь самой Гретхен. Затем он сюсюкающим, нарочито детским голоском, совершенно непохожим на его обычный тон, добавил: – Это, случайно, не любимая шапка маленькой Грейси Барнбрук? Что вы с ней делаете?

– Я... прекрати сейчас же! – прошипела я, однако было уже слишком поздно.

– Что здесь произошло? – Из-за колонны показался Роман Монфор, который направился прямо к нам. Он, оказывается, не уехал наверх вместе с Барнбруками.

Ну всё. Понятно, чья голова сейчас покатится с плеч отсюда и прямо до дверей моего дома в Ахиме под Бременом. Будет моим родителям подарочек к Рождеству.

Я вскочила на ноги и прижала к себе шапочку.

– Ничего... – пробормотала я.

Роман Монфор сощурил на меня глаза.

– Вы одна из горничных, которых на праздники пригласили помогать фрейлейн Мюллер?

– Нет. – Я сглотнула.

«Я прохожу у вас годовую практику, вы меня помните? В сентябре вы пожимали мне руку», – хотела было сказать я, но Дон опередил меня.

– Это кошачья шапка Грейси Барнбрук, – испуганно сообщил он. – Эта тётя сгребла туда какую-то странную коричневую массу. Почему она сделала это, дядя Роман? Грейси ведь наверняка ещё собирается носить свою шапку.

– Что-о-о?! Какую ещё коричневую массу? – Вена на лбу Романа Монфора, перед которой трепетал весь гостиничный персонал, опасно вздулась.

Оказывается, если стоишь прямо перед директором отеля, она выглядит ещё страшнее. Против моей воли зубы начали выбивать дробь.

– Дайте сюда! – рявкнул он.

Я крепче прижала шапку к груди.

– Это... Я всё могу объяснить, – запинаясь, промямлила я. – Дон хотел... – Кстати, чего же хотел этот подлый Бэмби? Неужели он нашёл где-то собачью кучку, притащил её сюда и оставил посреди холла, чтобы посмотреть, что будет дальше? В это никто не поверит. Тем более никто не поверит, что у кого-то хватило мозгов собрать вышеупомянутую собачью кучку в детскую шапочку.

Меня охватило нестерпимое желание врезать самой себе по башке.

– Бедная Грейси... – прошепелявил Дон. – Это её любимая шапка.

Роман Монфор ухватил меня за локоть.

– Зачем вы украли эту шапку? – нарочито медленно и чётко спросил он, как будто считал, что у меня проблемы со слухом. – И что за гадость вы прячете в ней? Наркотики?

Вот чёрт! Мне стоило больших трудов подавить истерический хохот, стремившийся вырваться наружу. При этом на самом деле мне было совсем не до смеха. Я молча вцепилась в шапку, лихорадочно соображая, что делать. Как бы поступил Иисус?

Роман Монфор оглядел фойе, не выпуская мой локоть.

– Эй! Кто-то может мне объяснить, кто эта особа, которая ведёт себя так, будто сошла с ума, причём посреди моего отеля?

Я услышала, как хлопнула дверь ложи консьержа. Это месье Роше спешил мне на помощь. В ту же секунду Бен, стоявший за стойкой регистрации, открыл рот, чтобы что-то сказать, однако обоих опередил посыльный Нико.

– Это эполет, – объявил он и кивнул в подтверждение этого факта.

– Что вы сказали? – энергичным рывком Роман Монфор вырвал у меня из рук кошачью шапку.

– Эполет, – прилежно повторил Нико.

– Она проходит годовую практику в нашем отеле, – вмешался Бен. – И она большая молодчина. Вообще-то у неё сейчас время отдыха, а она всё равно помогает здесь, внизу...

– Подтверждаю, – добавил чуть запыхавшийся месье Роше. Он провёл рукой по костюму сверху вниз, разглаживая невидимые складки. – Фанни Функе – лучшая практикантка, когда-либо работавшая у нас.

– Что же она в таком случае прячет в любимой шапочке нашей гостьи? – вполголоса огрызнулся на них Роман Монфор. У него на лбу было написано, что, будь его воля, он заорал бы на меня на весь отель, но на лестнице находились гости, и он не мог себе этого позволить.

Я с ужасом наблюдала, как он разворачивает шапку.

– Что, чёрт подери, это такое?!

Все уставились на шапочку Грейси. Выглядела она, прямо скажем, неаппетитно.

«Оленёнок» открыл рот первым:

– Это похоже на размазанный кусок шоколадного торта со сливками. – Он ткнул пальцем в массу внутри шапки и лизнул его. – Ага. Это и есть шоколадный торт со сливками. Теперь осталось только выяснить, как этот торт попал в шапку Грейси.

У меня подкосились ноги. Я купилась на шоколадный торт со сливками, которому этот маленький негодяй умело придал форму собачьей кучки! Я даже соответствующий запах себе выдумала.

– Не думаю, что нам следует досконально выяснять это, Дон. – Лицо Бена внезапно прояснилось. Невинное личико проказника и трогательный взгляд его оленьих глаз, очевидно, не произвели на юношу ни малейшего впечатления. – Я, кажется, недавно видел тебя с куском торта вот на этом самом месте. – Он повернулся к отцу: – Фанни лишь пыталась убрать то, что уронил Дон. И всё.

– Убрать в чужую шапку? – проворчал Роман Монфор, смерив меня подозрительным взглядом и словно решая, что со мной делать.

Выбивая зубами дробь, я униженно смотрела на него.

На моё счастье, снаружи как раз подъехала следующая машина.

– Я глаз с вас не спущу, барышня. – Роман Монфор сунул мне в руки многострадальную шапку. – Немедленно приведите её в порядок. В моём отеле я не потерплю никаких дурачеств!

Не ожидая от меня какого-либо ответа, он повернулся к Нико:

– А вы что стоите посреди отеля и считаете ворон, идиот?! Прибыли новые гости!

6

Ночью мне снилось, что я вместе с семьёркой Хуго описываю круги высоко в воздухе над Замокком в облаках, как будто я тоже альпийская галка. С высоты отель выглядел непривычно: он походил на утёс причудливой формы, испещрённый трещинами, и выглядывал из-под снега, будто был продолжением скалы. Чем ниже мы спускались, тем больше деталей я различала: конусообразные кровли башенок, кованые перила смотровой площадки на крыше, гранёный стеклянный купол над лестницей, напоминающий верхушку викторианской теплицы. Внизу, перед главным входом, стоял месье Роше с Запретной кошкой. Увидев меня, он улыбнулся, вытащил из нагрудного кармана свой белоснежный платок и начал махать мне. «Давай просыпайся, Фанни, – посоветовал мне он. – Кто рано встаёт, тому Бог подаёт».

В этот момент я и правда проснулась – сама, без будильника. Часы на моём смартфоне показывали без пятнадцати пять утра, я уже собиралась повернуться на другой бок и снова провалиться в сон. В игровую комнату на четвёртом этаже мне надлежало явиться только к девяти утра, и как следует выспаться перед этим было бы, скажем прямо, нелишним. Особенно если Дон действительно намеревался выполнить свою угрозу и осчастливить детскую комнату своим присутствием. Однако, стоило мне закрыть глаза, в стене как будто что-то заворочалось и завздыхало, сначала нерешительно, затем всё активнее и активнее, пока звуки не стали похожи на укоризненное покашливание. Слушать это было невыносимо, поэтому меня хватило ровно на пять минут, после чего я решительно села в кровати. Очевидно, утробно завывавшие в стене трубы сегодня утром наконец-то проснулись и решили наверстать упущенное за последние месяцы. Я зажгла лампу на прикроватной тумбочке и встала. Наверняка я всё это себе придумала, но мне показалось, что бурчание, доносившееся из стены, теперь звучало более удовлетворённо.

И, честно говоря, я неплохо выспалась.

– Кто рано встаёт, тому не нужно ни с кем делить душ, – сказала я вслух самой себе.

За окном царил крошечная тьма. Невозможно было различить, идёт снег или уже нет, но свист и вой ветра стихли, когда я на цыпочках проскользнула по коридору в душ. Мысль о том, что Гортензия, Камилла и компания ещё крепко спят, согревала мне сердце. Я включила воду.

Вчера вечером, возвращаясь после вечерней смены к себе в комнату, я взялась за дверную ручку и... вляпалась во что-то мягкое, размазанное по её нижней стороне. Гортензия и её подружки, караулившие меня в дверях своей комнаты, покатались со смеху.

Зубная паста на дверной ручке. О-о-очень оригинально!

– Кто-то здесь, похоже, начитался книг про английские школы-интернаты, – заметила я, направляясь мимо них в душ, чтобы смыть пасту с руки. На всех четырёх девицах были одинаковые пижамы – в горошек, с оборочками. Не видела бы своими глазами – не поверила. – Что вы устроите в следующий раз – подложите мне подушку-пердушку?

– Ой-ой-ой, мы обиделись! – Пижамы в горошек следовали за мной по пятам, по-идиотски хихикая, и напоминали мне стаю пятнистых гиен, которую я видела в каком-то научно-популярном фильме про животных. – Ты что, шуток не понимаешь?

Нет, не понимаю. У меня только что закончился длинный и сложный рабочий день, который выдался на редкость «весёлым», и к продолжению я была не готова. Тем более что сейчас я выступала в роли антилопы гну, которую стая гиен в вышеупомянутом научно-популярном фильме загнала, чтобы сожрать на ужин.

Я с мрачным видом смывала пасту с руки, пока Камилла любовалась собой в зеркале над раковиной слева от меня. Ава, Гортензия и Как-её-там смотрелись в зеркало справа. Ава

заплетала свои тёмно-русые волосы до плеч в косички, Как-её-там заодно подмигивала своему отражению в зеркале, а Гортензия включила холодную воду и смачивала себе виски.

Я закрыла кран и громко сказала:

– Слушайте, я устала и хочу спать. Если вы планируете побить меня и засунуть мою голову в унитаз, будьте любезны, займитесь этим прямо сейчас или отложите до завтра.

Четыре пижамы в горошек изумлённо воззрились на меня.

– Чего-о-о? Практи, приди в себя, – прогнусавила Гортензия. – Это была безобидная маленькая шалость. И вообще, это ты во всём виновата. Ты не соблюдаешь правила.

– Что?!

– Раньше ты пользовалась душем в то же время, что и мы, – объяснила Ава.

– А потом ты стала наглеть. – Как-её-там укоризненно посмотрела на меня.

Камилла энергично кивнула:

– А теперь ты ещё и врёшь. Говоришь, что мы хотим тебя побить и засунуть твою голову в унитаз.

– У вас что, у всех склероз, что ли?! – обиженно воскликнула я. – Это вы меня толкаете и травите. И мажете ручку моей двери зубной пастой.

– Да-а-а, за то, что ты угрожала Гортензии своими мнимыми друзьями, – ответила Камила. – Моя тётя сказала, чтобы мы не позволяли себя запугивать.

– Что?! – Это кто кого тут запугивает? В этой компании я явно играла роль антилопы гну.

– А ещё ты разбросала свои отвратительные волосы по всей раковине, – добавила Как-её-там.

– И вообще ты мерзкая, – подытожила Ава.

В этот момент с краном раковины, возле которой стояла Ава, что-то произошло: он словно взорвался, и внезапно вылетевшая из него струя воды угодила прямо на её пижаму. Четыре пятнистые гиены завизжали и отпрыгнули от раковины, однако второго взрыва не последовало, и дальше вода потекла ровно, как прежде.

Я закрыла кран (потому что больше было некому) и повернулась, чтобы пойти к себе. Никто не пытался задержать меня: все хищницы недоверчиво таращились на раковину.

У двери я обернулась:

– Как только что показал мой мнимый друг – водопроводный кран, вам лучше оставить меня в покое.

– У них проблемы с водопроводом, – пробормотала Гортензия Камилле, проигнорировав моё замечание.

– Этот отель и правда в допотопном состоянии. Несмотря на то что твоя тётя важничает так, будто это как минимум пятизвёздочный «Ритц-Карлтон».

К слову сказать, я была полностью согласна с её тётей. Правда, мне казалось, что в «Ритц-Карлтоне» почти наверняка работают более приветливые горничные.

Кто-то из четырёх гиен уже громко храпел, когда я, свежeweымытая, одетая и причёсанная по всем правилам, на цыпочках прокралась мимо их комнаты. Мне показалось, что это Гортензия, потому что храп был довольно гнусавым.

По дороге на кухню, находившуюся в подвале под рестораном, мне не встретилось ни души, однако это не означало, что все, кроме меня, ещё спали. В любое время суток в отеле дежурил кто-то из персонала. Или, как любил говорить месье Роше, «Замок в облаках никогда не спит».

Установленных часов для завтрака, обеда и ужина персонала в отеле не существовало, поэтому в помещении рядом с кухней всегда имелась какая-то еда и можно было подкрепиться практически в любое время суток.

Когда я вошла, один из двух младших поваров, Пьер, красиво раскладывал на тарелке разные сорта сыра. Головокружительно пахло свежееиспечённым хлебом. Шведский стол для

сотрудников отеля практически ни в чём не уступал шведскому столу для гостей наверху, в ресторане. Конечно, натюрмортов из свежих ягод, разложенных концентрическими кругами, здесь не было, как и свежевыжатых соков и этажерок со стаканчиками, наполненными освежающим манговым ласси. Зато всё остальное было как наверху, в ресторане, причём с утра до вечера. В обеденное время сюда приносили горячий суп, пирожки с мясом, блюдо с яблоками, апельсинами и морковкой, запеканки в контейнерах с подогревом, свежий хлеб, холодное мясо. После обеда можно было полакомиться пирожными и тортами. Одним словом, умереть с голоду здесь было сложно.

– Ты сегодня рано, – заметил Пьер.

– Ты тоже. – Зажмурившись от удовольствия, я откусила большой кусок хрустящего хлеба, намазанного маслом, и присела на один из немногочисленных стульев. – Кто рано встаёт, тому подают лучший завтрак. И стул – тоже.

Пьер подвинул мне тарелку.

– Обязательно попробуй лосося. Я сам его мариновал – с ломтиками лайма, солью «Флёр-де-Сель», веточками можжевельника, укропом и... короче, попробуй непременно. – Он положил мне на тарелку большой кусок.

Младший повар мне очень нравился. Он всегда приберегал по моей просьбе сдобные булочки для моих многочисленных Хуго. Кроме того, когда я приехала сюда, именно он помог мне кое-как разобраться с местным диалектом немецкого, на котором здесь, в швейцарском кантоне Валлис, все изъяснялись. Выучить его в совершенстве я, конечно, не смогла бы никогда, но теперь хотя бы была в состоянии следить за ходом беседы. Только конюха, старого Штукки, я по-прежнему понимала с трудом. Правда, повар считал, что это не потому, что я такая неспособная, а потому, что у старика не хватало много зубов.

Лосось оказался потрясающий и прекрасно сочетался со свежим хлебом. И с яйцом. И с сыром. Я всегда старалась завтракать как можно сытнее, потому что поесть в следующий раз мне обычно удавалось лишь после обеда. Я радовалась, что сегодня можно не торопиться и поболтать с Пьером в своё удовольствие. За ночь в горах выпало тридцать пять сантиметров снега, а горный ветер смел его в сугробы высотой в метр, рассказывал повар. Окрестные перевалы замело, доехать до «Шато Жанвье» можно было, только надев на шины автомобилей цепи противоскольжения. Кроме того, на нас уже надвигался следующий циклон: двадцать пятого декабря обещали ужасный снегопад.

На севере Германии, где я выросла, уже давно бы объявили чрезвычайное положение, здесь же такая погода воспринималась как нечто само собой разумеющееся.

– Как настроение у вас на кухне? – поинтересовалась я, кивнув на дверь в означенную кухню. Большинство новых служащих, нанятых на праздники, работали именно на кухне и в ресторане. Больше половины поваров и официантов были новичками.

– В принципе неплохо. Только новенькие ещё не поняли, что если шеф-повар не разрешает пользоваться смартфоном во время работы, то лучше не искушать судьбу. Я сделал что мог, однако, боюсь, это дойдёт до них только после того, как первый смартфон поджарят на гриле. Или нашинкуют вместе с капустой. Или бросят в кипяток вместе с макаронами. – Пьер ухмыльнулся. Я тоже не смогла сдержать смехок: гостиничный шеф-повар был человеком в высшей степени творческим. Во всех отношениях. – Один из новых официантов очень милый. Похоже, я чуточку влюблён, – добавил он. А затем подмигнул мне: – А как дела там, наверху?

Я бросила быстрый взгляд на лестницу: мне показалось, что там что-то шевельнулось.

– Роман Монфор держит меня на мушке, новенькие горничные из Лозанны – редкостные воображалы, у которых проблемы с головой. А тут ещё юный Дон Буркхардт решил вплотную поработать над тем, чтобы окончательно испортить мне жизнь. «А в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо». О, доброе утро! Ты откуда взялась? – Появившаяся словно из ниоткуда

Запретная кошка потёрлась о мои ноги, затем перешла к Пьеру и проделала то же самое, громко мяукнув.

Повар поставил перед ней тарелку с нарезанным холодным мясом, которую он явно подготовил заранее.

– Знаешь, чего я не понимаю? – спросил он, когда Запретная кошка с видимым наслаждением начала поглощать свой завтрак. – Наш шеф говорит, что эта кошка жила в этом отеле ещё тогда, когда он поступил сюда на должность младшего повара. – Пьер замолчал для пушного эффекта, а затем тихо добавил: – Это было в 1989 году.

Я была плохим математиком, но даже мне не требовался калькулятор, чтобы сообразить, что это невозможно.

– Скорее всего, в его время в отеле жила похожая кошка. Такая же рыжая и полосатая. Предшественница нашей.

Запретная кошка покончила с едой и начала наводить марафет. Мы оба задумчиво наблюдали за ней.

– Наверное, ты права. – Пьер взял с пола пустую тарелку. – Оставить тебе пирожное с малиной и сливками? После обеда съешь с кофе. Мадам Клео осталась недовольна глазурью, и, представь себе, мне удалось заполучить для нас целых двадцать четыре штуки...

На лестнице послышались шаги, и тут же показался Нико в форме посыльного. Круглую шапочку-коробку он засунул под мышку.

Я приветливо поздоровалась и предложила ему свой стул.

– Доброе утро, – сухо ватно ответил он, как будто ему было не слишком приятно видеть меня. – О-о! Кошка! Я думал, домашние животные в отеле запрещены. Во внутреннем расписании отеля, который нам раздали, об этом упоминается аж трижды.

– Кошка? Где? – хором спросили мы с Пьером.

– Да вот же! – Нико показал на Запретную кошку, не спеша поднимавшуюся по лестнице.

Пьер прищурился:

– Ты где-нибудь видишь здесь кошку, Фанни?

Я покачала головой:

– Нет. Откуда ж ей здесь быть?

– Ха-ха, очень смешно! – Нико сердито сверкнул на нас глазами. – В этот раз вы меня не проведёте, как вчера, с этим дурацким эполетом.

Пока он обиженно накладывал себе на тарелку завтрак, я попрощалась с Пьером и вслед за Запретной кошкой отправилась на первый этаж. Вообще-то я собиралась вернуться к себе и почистить зубы, прежде чем проснутся эти дурацкие воображалы из Лозанны. Но Запретная кошка мурлыча шла передо мной и всё время оборачивалась, словно хотела убедиться, иду ли я за ней. И я пошла за кошкой. Мы пересекли фойе, в котором в такую рань не было ни души, и свернули в коридор, ведущий мимо конференц-зала в направлении бара и библиотеки. Если бы я решила возвратиться к себе, то мне пришлось бы идти круглым путём, но я не имела ничего против: потайная дверь внутри библиотеки вела на служебную лестницу, и по ней можно было как спуститься в подвал, так и подняться наверх, на четвёртый этаж.

Библиотека принадлежала к числу самых уютных уголков отеля. Вдоль стен, от пола до потолка, стояли книжные стеллажи, ломившиеся от книг. Перед каждым окном была устроена уютная полукруглая ниша для чтения с мягкой обивкой, в центре возвышалась старинная кафельная печь, рядом с которой находилась скамеечка, повсюду стояли вольтеровские кресла и журнальные столики с различными фотоальбомами. Кроме того, здесь была специальная библиотечная лесенка на колёсиках, свободно скользившая взад и вперёд вдоль ряда книжных стеллажей семи метров в длину и четырёх в высоту. С такой лесенки даже смахивать пыль было приятно.

Если бы я не работала, а жила в «Шато Жанвье», то торчала бы в библиотеке целыми днями. От натопленной печи по комнате распространялось приятное тепло, в воздухе витал аромат старых книг и полироля. Сюда даже можно было заказать кофе, вино – в общем, всё, что душе угодно. Тем не менее гости заходили сюда редко. По большей части просторная библиотека пустовала.

– Людей отпугивает такое количество книг, – лукаво улыбаясь, ответил месье Роше, когда я поделилась с ним своим недоумением. – Они понимают, как мало на самом деле прочитали, и им становится не по себе.

По-видимому, Запретная кошка тоже не собиралась запрыгивать в одно из библиотечных кресел, чтобы поспать. Она дошла до двери, ведущей на лестницу, и требовательно мяукала перед ней до тех пор, пока я не открыла её.

Дверь была искусно встроена в раздел, где стояли детективы и триллеры, и снабжена обычной табличкой на трёх языках: «Прохода нет. Только для персонала». На втором этаже дверь с лестничной клетки выходила в длинное помещение неправильной формы между Малым башенным люксом и номером 102, в котором обычно хранились пылесосы и чистящие средства.

На третьем этаже с лестницы можно было попасть в промежуточную комнату, где стояли встроенные шкафы с постельным бельём и полотенцами, а через следующую дверь – в коридор, прямо ко входу в Большой башенный люкс, в котором с начала декабря проживали Дон Буркхардт-младший и его родители. На четвёртом этаже лестница вела в то крыло, где находились жилые помещения для мужской части персонала.

Двери, которые вели к чёрному ходу и соответствующим служебным помещениям со второго и третьего этажей, выглядели вполне обычно, как и двери гостиничных номеров, и только служащие знали о том, что на самом деле скрывалось за табличками 103 и 203. Конечно, у некоторых гостей, например у Дона Буркхардта-младшего, которого любые запреты, похоже, только раззадоривали, хватало нахальства и любопытства заглянуть внутрь. Как-то раз Дон напугал меня чуть ли не до смерти. Ничего не подозревая, я открыла дверцу шкафа на бельевом складе и напоролась на его милую рожицу. Мой вопль привлёк внимание фрейлейн Мюллер, которая сначала отчитала Дона, однако в конце концов поверила его объяснению, ведь он так умильно на неё смотрел и так мило шепелявил! Он якобы играл в пиратов и совершенно забыл, где находится. Ха! Просто смешно! Как будто Дон Буркхардт-младший был способен снизить до невинных детских игр!

Запретная кошка внезапно заторопилась. Она уже не шла, аккуратно ставя лапку за лапкой, а стрелой летела по лестнице, так что, когда я добралась до второго этажа, её уже и след простыл. Такое часто случалось. Сперва она заманивала меня на круглую путь, словно хотела что-то мне показать, а потом просто-напросто исчезала.

В бельевой на третьем этаже был открыт шкаф. Зная, как рассердится кастелянша – фрейлейн Мюллер, увидев подобное безобразие, я хотела было закрыть его, как дверь в коридор внезапно распахнулась. Кто-то вошёл внутрь.

Позже я не могла объяснить, какой бес в меня вселился, однако потом это уже в любом случае было не важно. Я юркнула в шкаф, прикрыла за собой дверь, оказавшись таким образом именно там, где двумя неделями раньше застала Дона, и задержала дыхание. Что-то со мной определённо было не так. Зачем мне понадобилось прятаться в шкафу только потому, что в помещение кто-то вошёл? Я ведь ничего плохого не делала. И выглядела я аккуратно, даже фрейлейн Мюллер не нашла бы к чему придраться. Однако теперь я понимала, что вылезти из шкафа и вести себя как ни в чём не бывало вряд ли получится. Придётся подождать, пока тот, кто вошёл в комнату, кем бы он ни был, не отправится дальше по своим делам.

К несчастью, он не собирался этого делать. Кроме того, оказалось, что в комнату вошли два человека. Они продолжили свою беседу прямо перед дверцей, за которой я спряталась.

– Я не понимаю, почему ты так противишься этому, Рудольф, – произнёс один из них. В своём шкафу я чуть не грохнулась в обморок – это был не кто иной, как Роман Монфор! Вероятно, из-за снегопада он вчера не смог уехать домой и заночевал здесь.

– Я не упрямлюсь – просто хочу поискать другой вариант, – ответил его собеседник, и по голосу я узнала Руди Рохлю, младшего брата Романа. – Дай нам ещё немного времени.

Роман вздохнул:

– Мы уже сто раз всё это пережёвывали... Ещё одна отсрочка ничего не даст. Более того, если мы промедлим, то упустим и это предложение. А лучшего нам уже не видать.

– Но ведь мы не можем этого сделать, – возразил Рудольф ещё более убитым голосом, чем обычно. – На нас лежит ответственность за этот отель со всеми его традициями, ответственность за служащих. Подумай о своём...

– Брось размазывать сопли! Ответственность, традиции! – перебил его Роман. – Мы и так слишком долго пытались вытащить из болота эту прогнившую развалину с её устаревшими порядками. Боже мой, ты разбираешься в бухгалтерии лучше, чем я, и прекрасно понимаешь, что отель приносит одни убытки. Мы по уши в долгах.

– Возможно, тебе кажется, что у нас никаких перспектив, но ведь у отеля такой потенциал, такая блестящая репутация! Если мы попробуем ещё раз начать всё сначала...

– С такими долгами? Кто, чёрт подери, даст нам кредиты на модернизацию? – снова перебил Роман своего брата.

Я удивилась, что он не вопил во всё горло, как обычно. Нет, он старался говорить тихо. Но это только усиливало эффект от его слов. – Господи, Рудольф, когда же до тебя дойдёт-то, в конце концов! Мы выдохлись, наше время истекло. Отель медленно умирает от старости, наши гости умирают от старости, да и сотрудники компании тоже. Взять хотя бы дряхлого конюха, которому ты всё ещё платишь зарплату, хотя ему давно пора в дом престарелых и он только распугивает постояльцев!

– Старый Штукки прекрасно работает на нас уже много лет, – возразил Рудольф. – Отель – его дом, другого у него нет, и выгнать его отсюда только потому, что он слишком стар, жестоко. И потом, он так хорошо ухаживает за лошадьми...

– В этом и заключается твоя проблема! – прошипел Роман. – У тебя начисто отсутствует экономическое мышление, ты слишком сентиментален. Включи, наконец, мозги! Предложение Буркхардта – наш единственный шанс. Мы сможем отделаться от этой развалины, погасить все наши долги, и у нас ещё останется кругленькая сумма, чтобы начать новое дело.

– Но этот человек – мошенник без чести и совести, готовый разрушить всё, что создали здесь наши дед и прадед, при этом ни на секунду не задумавшись. Кроме того, он некомпетентен. Ты вообще смотрел планы, которые он нам показывал?

– Меня они устраивают. Я люблю чёткие линии и современные интерьеры. Все эти аляпистые завитушки безнадежно устарели.

– Но сто номеров вместо тридцати пяти! Из одной только малой музыкальной гостиной он собирается сделать три номера! А ведь этот зал помнит звуки скрипки Яши Хейфеца⁸ и незабываемый голос Элизабет Шварцкопф!⁹

– Всё это было ещё до нашего рождения, Рудольф!

Я была уверена, что Роман пожал плечами.

– Но мы с тобой присутствовали, когда в нашей библиотеке читал свои произведения Отфрид Пройслер!¹⁰ Из этой библиотеки Буркхардт собирается сделать гольф-салон. Как тебе

⁸ Яша Хейфец (Иосиф Рувимович Хейфец) – величайший скрипач XX в., которого по праву называют «императором скрипки».

⁹ Элизабет Шварцкопф – выдающаяся немецкая оперная певица XX в., обладательница удивительного по красоте серебристого тембра голоса.

¹⁰ Отфрид Пройслер – немецкий детский писатель, автор сказок «Маленькая Баба-Яга», «Маленькое привидение»,

может быть всё равно?! Когда я слышу его разглагольствования о парковках, канатных дорогах и гостевых апартаментах, меня прошибает холодный пот.

Меня тоже уже давно прошиб холодный пот. Я предполагала, что «Шато Жанвье» не приносит большого дохода. С сентября, когда я приехала сюда, здесь побывало очень мало постояльцев, но для меня стало ужасной неожиданностью, что дела настолько плохи. Неудивительно, что Дон Буркхардт-младший вёл себя так, как будто ему уже принадлежит весь отель, если его отец и впрямь собирался приобрести его и устроить здесь чёрт знает что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.